

Мария Конопницкая

ИЗБРАННОЕ

561
Р 32200

**ОГИЗ
ГОССЛИТИЗДАТ
1944**

11

МАРИЯ КОНОПНИЦКАЯ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. СТИХОТВОРЕНИЯ

2. ПАН БАЛЬЦЕР
В БРАЗИЛИИ

(Отрывки из поэмы)

Перевод с польского
и примечания
А. Коваленского

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1944

Гравюры на дереве
худ. А. Журо́ва

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Поэтические произведения Марии Конопницкой являются талантливым и глубоким изображением чувств и страданий, надежд и чаяний польского народа. Мария Конопницкая (1842—1910) родилась в г. Сувалках. Детские и юношеские годы провела в г. Калише. В ней рано пробудился интерес к родной природе, польскому краю. Образование она получила в варшавском пансионе. Здесь Мария Конопницкая встретилась с Элизой Ожешко, будущей крупной писательницей. Всю жизнь большая дружба, общие идеалы, сходные творческие устремления связывали этих двух лучших дочерей польского народа. «Если их головы должны быть обвиты лавровыми венками, то их натруженные руки должны опираться на плуг, которым польские мужики пашут землю», — справедливо писал об этих двух писательницах Казимир Тетмайер. С 1862 года Конопницкая жила в деревне Бронове Ленчицкого уезда, Калишской губернии. С этого времени начинается её настоящее знакомство с повседневной жизнью польских крестьян. На всё её творчество неизгладимую печать наложила жизнь польской деревни.

Уже в первых поэтических опытах писательницы заговорил её главный герой и вдохновитель — польский народ. Первый сборник стихов «Роеје» вышел в 1881 году, а затем последовали другие сборники, и в течение десяти лет Мария Конопницкая стала крупным признанным поэтом. Картины родной природы, народных страданий и бедствий, батраки, работницы, солдатки и дети, простые люди, чья жизнь проходила в нужде, призывы к мести врагам родины и народа, слова надежды, — вот образы, чувства и герои поэтических произведений Марии Конопницкой, которые так сближают её с Некрасовым. Кре-

стьянская молодёжь зачитывалась сельскими песнями Конопницкой — «На свирели», «С лугов и полей».

С 1890 года Мария Конопницкая почти постоянно живёт за границей, много странствует по Италии и Франции. Но на чужбине её любовь к родине становится ещё острее, и тоска по ней, воспоминания о ней окрашивают все её произведения, написанные за границей.

С 1886 года Конопницкая начинает писать и прозой и создает ряд новелл и рассказов. Широкую известность приобрели её рассказы «Из тюремной жизни». С 1889 года Мария Конопницкая начинает публиковать большую поэму в стихах «Пан Бальцер в Бразилии». Поэма появлялась частями в 1892, 1900 и 1901 годах. Она состоит из шести частей: «На море», «В эмигрантском доме», «В дебрях», «На обратном пути», «В гавани», «Идём». Это крупнейшее произведение поэтессы является своеобразной крестьянской эпопеей, изображающей жизнь польских эмигрантов в Бразилии. «Душа её унеслась за крестьянами-переселенцами в леса Бразилии, страдала там и переживала страдания крестьян с такой силой, что и без того яркая и могучая фантазия её обрела тут чуть ли не дар ясновидения», — справедливо писал об этой поэме Генрих Сенкевич.

Перу Марии Конопницкой принадлежат также драма «Сизиф и Прометей» и критические статьи. Кроме того, она переводила крупнейших иностранных поэтов (Гейне, Ростана и др.).

В 1902 году с большой торжественностью был отпразднован двадцатипятилетний юбилей её творческой деятельности, и впервые на этом юбилее сам народ чествовал писательницу.

Патриотическая поэзия Конопницкой и сейчас звучит как призыв к народу Польши бороться с захватчиками, истоптавшими земли польских крестьян. Не случайно «Присяга» Конопницкой стала сегодня гимном польских воинов дивизии имени Костюшко, готовых насмерть биться с немецким фашизмом.

В сборник избранных поэтических произведений Конопницкой вошли все лучшие её стихи и отрывки из поэмы «Пан Бальцер в Бразилии» в новых переводах.

I. ПОЛЬШЕ -

ПРИСЯГА

Не отдадим родной страны,
Родимой речи польской, —
Мы — польский люд, её сыны,
Мы — польских Пястов войско!
Нас не увидит враг у ног —
Идём же, — с нами бог!

До капли кровь отдать в боях
За дух мы все готовы,
Пока не рухнут в пыль и прах
Тевтонской бури ковы!
Нам крепость — каждый наш порог, —
Идём же, — с нами бог!

Не плонут немцы нам в лицо,
Детей не онемечат, —
В оружьи встанет строй бойцов,
Дух поведёт нас в сечу —
Лишь золотой затрубит рог, —
Идём же, — с нами бог!

СТОЛЕТИЕ

Все суровей, бестелесней
Мы сто лет живём лишь в песне,
Как заклятый дух, —
Держим скованной рукою
Лютню сердца — и тоскою
Будим миру слух...

Песня та с могил слетает,
Рвётся с крыл орлиной стаи,
Полнит славой грудь, —
В ней — волна хоругвей плещет,
В ней — к заре широкой блещет
Воскресенья путь...

На заре веков грядущих
Слышен гром в родимых нущах,
Где полки сошлись, —
Где под спущенным забралом
Гимн святой гремит хоралом
И несётся ввысь...

Да, напевы наши родом
Не из стран, текущих мёдом
Средь блаженных рощ, —
В них — смертельных битв раскаты,
Пытки, тюрьмы, казематы,
В них — и жизни моць!

БИТВА ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ¹

— Прочь с дороги! Грозной тенью
Воскресают вновь виденья,
Мглы кровавой
Древней славой
Озаряя даль.

Мчится время ураганом
И следит в оружьи бранном
Плен и беды,
День победы,
Звон мечей о сталь...

Братской клятве насмерть верный¹,
В окрылённых бронях, мерно²
Строй за строем.

Мчится к бою
Пыль дорог топча...
И не знает крестоносец, —
Польский витязь меч заносит,
Чех иль русский
Панцырь прусский
Разрубил сплеча?..

Сталь горит, дробятся копья,
Конской пены брызжут хлопья,
Грудью к груди
Бются в груде,
Рубит строй топор, —

¹ В битве при Грюнвальде 11 июля 1410 года соединённые силы русских, польских, литовских и чешских отрядов нанесли войскам Тевтонского ордена страшное поражение, от которого орден уже не мог оправиться. В этой битве все славянские войска были связаны между собой, братской клятвой биться насмерть.

² Польская кавалерия того времени носила латы, украшенные крыльями из птичьих перьев.

Клич победный, свист летучий,
В жилах — крови шум кипучий,
Вопль страданья,
Стон и ржанье
Слиты в грозный хор...

Эй! Прими-ка плату, рыцарь,
Вместо добржинской пшеницы!¹
Век невзгоды,
Кривды годы
Кровь мутят опять...
— Прочь с наёмною орвой!
Здесь бессмертье в битве правой
Смелых славит;
В праке ставит
Львиных дел печать!

Кто из правнуков сравнится
С этой грозной вереницей,
Что разила
Вражью силу,
Как орлы, с высот?
Чьи теперь удержат плечи
Эти латы, эти сечи,
Кто над нами
Дедов знамя
Снова понесёт?

И следит, чело нахмуря,
Дальний бор, как свищет буря,
В бранном дыме
Славы имя
Нарекая дню,

¹ В 1409 году Тевтонский орден претендовал на Добржинские земли, славившиеся богатейшими урожаями пшеницы.

Занося под грохот стали
В незабвенные скрижали
Битвы вести —
Свиток чести,
Что не сжечь огню...

— Прочь с дороги стаи львиной!
Кто удержит исполина,
Что, как громом,
В час разгрома
Впрах разит врагов?
Бьётся — меч одно с рукою,
Мчится — знамя боевое¹, —
Величавый
Отзвук славы
Шлёт он в даль веков.

НАШЕ СЕРЕБРО, НАШЕ ЗОЛОТО

В час, когда на поле хлеба
Рожь цветёт под лаской неба,
Иль под синей тишиною
Потревоженной волною
От границы до границы
Заколышется пшеница, —
Слух вниМАЕт звон крылатый
Серебра хлебов и злата!

Шопот... шорох... шелест... шумы...
Вот — во взорах тень от думы...
Вот — на поле песне дальней
Эхо отзвук шлёт печальный...
С груш спадает цвет вчерашний, —

¹ Боевое знамя и государственный герб Литвы — «Vytis — рогой» — всадник, мчавшийся в бой с занесённым мечом.

И стоишь ты, внемля пашне,
И беседуешь, как с братом,
С серебром хлебов и златом!

Зимы долги... Земли чёрны...
В каплях пота плуг упорный...
И не знаешь ночью тихой,
Как, откуда грянет лихо...
То боишься — не дозреет,
То следя, как вихри веют,
Страхом грудь за жизнь объята
Серебра хлебов и злата...

Но едва весна настанет,
Сердце радостно воспрянет, —
А когда пройдёт вдоль сева
Мая солнечная Дева
И руно над бороздою
Встанет пышной чередою, —
Как земля тогда богато
Серебро родит и злато!

Как ты нивам рад, укроясь
На меже, в цветах по пояс,
В тишине, что всё чудесней
Льётся жаворонка песней, —
Всё смотрел бы жадным оком,
Всё б в дыхании широком
Жизнь вдыхал из их объятий —
В серебре хлебов и злате!

Погляди — до часа жнива
Облик свой меняет нива:
Что ни день, всё больше хлеба,
И колосья ближе к небу,
У межи цветут сильнее
Васильки, во ржи синея,

Маки тонут в звонкой рати, —
В серебре хлебов и злате...

А когда поутру косы
Забрязгают — слёзы, росы
Выпьет солнце, знойной дрожью
Засмеется день над рожью —
Вновь душа твоя воскреснет,
Грянет поле новой песней,
Славя щедрую расплату
Серебра хлебов и злата!

И забудешь поневоле
О тяжёлой, чёрной доле,
Чёрной доле, злой кручине,
Что, как рана, ноет ныне, —
И помчишься далью сонной,
Шумом нив заворожённый,
Над звенящим в поле сжатом
Серебром хлебов и златом...

Боже, если б в бездорожьи
Отыскать и мне дорогу,
Что ведёт созревшей рожью
Вновь к родимому порогу,
И рассветною порою
Встать под тихою зарею
У плетня, на тропке к хате
В нашем серебре и злате!

ВАРШАВЕ

Ты каждый день и каждый час
Нам всем — отчизна духа,
И каждый камень твой для нас
Гласит душе и слуху, —

И этот голос, словно гром,
Гремящий на просторе,
И волны Вислы серебром
Ему, сверкая, вторят...

Пахал ли бой, пахал ли зной
Любую пядь, — давали
Мы все в ту новь живую кровь, —
Костями усыпали!

Те семена засыпал прах
В груди твоей лебяжьей, —
Но зреют зёरна в тайниках —
В тебе и для тебя же!

В какой бы не созрели час —
С зарей, с ночной ли тьмою —
Ты верными увидишь нас, —
Мы здесь всегда с тобою!

Разбудит всех нас грозный звон,
Хотя бы в гроб легли мы:
В едином сердце грянет он
Над Вислою любимой!

Ты вся полна родов и гнёзд:
Жива ещё их сила, —
И никакая тьма — нам звёзд
Твоих не угасила!

ПЕСНЬ «ПОЛЬСКИХ СОКОЛОВ» В НЬЮ-ЙОРКЕ

— Соколы-братья! Взмахнём крылами!
К самому солнцу взовьёмся!
Над деревнями, над городами
К матери-Польше вернёмся!

Делят нас с нею грозные воды,
Земли, пустыни, потоки,
Но там — сияет заря свободы,
Наш дом родной и далёкий...

Много пришлось нам здесь потрудиться,
Тоска сжигала нам жизни, —
Теперь мы снова — вольные птицы,
Поём о милой отчизне!

Пусть ряд славнейших её героев
Встанет, как светоч, над нами.
Пусть двери сердца они откроют
Песней, горящей, как пламя!

И ты, страна, что нас приютила,
Их чтишь сердцами своими:
Дела Костюшко ты не забыла,
Помнишь Пуласского имя!

Сейчас над Польшей небо затмилось:
Не лавров — скорби година...
Но сила сына — матери сила,
А честь их — вечно едина!

Жизнь прорастёт и сквозь пепел серный, —
Живой народ не истлеет, —
О матерь-Польша! Дружиной верной
Соколы будут твою!

В час грозной битвы из чуждой дали
Промчимся вихрем чрез воды,
Чтоб соколиный строй увидали
Первые зори свободы!..

НЕПРОДАЖНОЕ

Ходят сюда немцы,
Ходят, хлопов мучат:
«Кто продаст нам землю,
Червонцы получит!
Платим мы за хату,
Платим мы за поле,
Завалим деньгами
Твой нищенский столик!»

— Ах, немец ты, немец,
Напрасно ты крутишь:
Ни земли, ни хаты
Вовек не получишь!

Спрячь свои червонцы,
Не подходит мера:
Кто продаст отчизну —
Не нашей он веры!
Ты богатый немец,
Я нуждой заеден,
А для нас ты, немец,
Окажешься беден!

Дашь ты мне червонцы
За хату, за ниву, —
А кто мне заплатит
За месяц над ивой?
А кто мне заплатит
За ясное солнце,
Что с каждою зарёю
Входит к нам в оконце?

Вот за эту крышу
Из свежей соломы,
За благовест, утром
Манящий из дома?

За шелесты леса,
Пшеничное золото,
За крест, сторожащий
Родимую хату?

А кто мне заплатит
За алмазы-росы,
Одевшие блеском
И вереск и просо?

За весенний клёкот
Аиста с кургана,
За песню из леса:
«Ой, дана!.. Ой, дана!..»

А кто мне заплатит
За синюю воду,
Солнечные полдни.
Тихую погоду?

За песок у речки,
Где ребячий щебет,
За звонкое пенье
Жаворонка в небе?

За ветер, что гонит
Облака-овечки
Под напев свирели, —
За сверчка на печке?

За пушкы на вербе
Вербным воскресеньем,
За грушу на поле
С длинной-длинной тенью?

А кто мне заплатит
За сладкий дух мёда,
Что пчёлы приносят
В улей с огорода?

За погост, где алый
Разросся шиповник,
Где отцы и деды
Спят в гробах дубовых?

Там и я улягусь,
Как выпадет жребий, —
Лишь господь прикажет:
«Живи, хлоп, на небе!»

А то будут ночью
Плакать мои дети,
Отцовской могилы
Не найдя на свете...

— Нет! Не дам, ни цяди!
Спрячь-ка, немец, деньги:
Кто вам землю продал, —
Отчизне — изменник!

ЛИПЫ ЦВЕТУТ

Пахнут липы...

Сладкий запах дышит,
Пух летит в открытые оконца, —
И в широком утреннем затишье
Наш пчелиный рой звенит на солнце...

Пахнут липы...

В аромате мёда
Рой звенит над пасекою старой...
Украшаясь радугой восхода,
Спят туманов сизые отары...

Пахнут липы...

В радужном тумане
На заре тихонько дремлют хаты,
И рассвет их вестью утра манит,
Словно лёгких духов рой крылатый...

Пахнут липы...

Рой крылатых духов
Входит в гости к хатам закоптелым, —
На дороге — белый полог пуха,
На дороге — пахнет мёдом белым...

Пахнут липы...
И проснувшись, хаты
Вспоминают древние деянья,
Вспомо́где-то пробил час расплаты,
Словъ в очи падает сиянье...
Словъ

Пахнут липы...
В аромате мёда
Дышит вновь благоуханье чуда:
Глянул к солнцу сын слепой¹ народа, —
Глянет дух истерзанного люда...

Пахнут липы...
Сладкий запах дышит,
Пух летит в открытые оконца,
И в широком утреннем затишии
Старый рой наш зазвенел на солнце...

НАШ СТЯГ

Наш стяг живая сила ткёт,
Ей смертный час не страшен:
Сквозь сумрак дня, сквозь ночи гнёт
Он духом соткан нашим!

Мы каждую живую нить
Сутили кровью сердца, —
Лишь тот народ достоин жить,
Кто знает — он бессмертен!

* * * ¹ Намёк на Мечислава I, который до определённого возраста должен был оставаться слепым (народная легенда).

Наш стяг встал в зорях высоко
На древке с жизни древа,
Чьё корневище глубоко
Вросло в земное чрево!

И в мире силе ни одной
Не разорвать той пряжи,
Что весь народ с землёй родной —
А землю — с духом вяжет!

Тот стяг для нас всегда, ~~везде~~
Звучит, как зов, как песня:
— Живи в единстве и труде,
А если смерть — воскресни!

С почётом родина несёт
Свой стяг — и знает: в двери
Грядущих дней войдёт лишь тот,
Кто в день грядущий верит!

НА СВОБОДУ

Долго сокол томился в оковах,
Долго в муках терзался он жгучих, —
Не стерпел — и сорвался, — и снова
Взвился к небу на крыльях могучих!

Полно сытым жить в клетке! Довольно
Дух свой рабскою цепью позорить!
Снова воздух вдыхает он вольный,
Блеск лазури и алые зори...

Уж псаши, стерегущие свору,
Не сыграют ему своих песен,
Шум свободы и ветер простора
Мчат его голубым поднебесьем...

Не объедками в кованом блюде,
Не подачкой с тицов властелина, —
Сам отныне кормиться он будет,
Как издревле весь род соколиный!

В клобучке, на цветной рукавице
Уж не сядет он, помня обычай, —
В знойном небе свободною птицей
Будет бить и когтить он добычу...

Не для панской утеши рождённый,
Не рукою наёмной охолен, —
Гордый сокол в простор полуздённый
Улетает за счастьем и волей!

Позабыта и цепь золотая,
И кольцо, истерзавшее шею, —
Гордый сокол к заре улетает
За надеждой и верой своею!

Крыл не свяжут лукавые слуги,
Не лишат соколиного зренья, —
Там, где кружатся соколы-други,
Рабских пут разрываются звенья!..

— Пан, вернись! Не дождёшься ты проку,
Миновала потехи година:
К дням грядущим умчался твой сокол, —
И не хочет иметь господина!

БРАТЬЯМ ЧЕХАМ

Велик народ, в ком духовное пламя
Горит, как солнце над жнивом,
И край, хранимый своими сынами,
Назваться может счастливым.

Чехи! Вы дух тот от сна пробудили,
Вы, как утёсом могучим,
Народов быт на века утвердили
Славянским словом певучим!

Когда же солнца земле нехватило —
В час испытанья суровый, —
Собственной грудью и собственной силой
Её согрели вы снова.

Привет вам, чехи, вы, славные внуки
Края, что вдвое дороже
Стал нам с тех пор, как в несчастьях и муке
Лишь слёзы дарить он может!

Был час — над Польшой ещё не настала
Година плена и гнева:
Стаей орлиной она вылетала
С песнею «Матери-девы»...

Чехи! У вас мы, готовые к бою,
Взяли ту песню, чья сила
Над всею Польшой, над всею Литвою
Стяги победы носила!

Итак, в честь стяга, что витязей смелых
Хранил от смерти и бедствий,
В честь веры в правду народного дела
Шлёт Польша чехам привет свой!

Уж близко время: не власть великана,
Но дух всеобщей свободы
Сдерживать будет племена и страны
И братством свяжет народы.

Уж близко время — и наступит прежде,
Чем склынет буря и выюга, —
По общей вере, по общей надежде
Поймут народы друг друга...

Когда же ныне мы в братском пожатье
Руки друг другу пожали,
Когда втройне мы становимся братья —
В любви, работе, печали —

Когда пред высшим судилищем встали
Гении наших народов,
И в новых зорях, блеснувших из дами,
Почуяли луч восхода, —

Мы всею кровью — и духом и телом —
Союз укрепим наш строгий,
Чтоб в общей вере, за общим уделом
Итти по одной дороге

В грядущий полдень — не «зреищ и хлеба»
Просить, но в дружбе сердечной
Требовать всем у земли и у неба
Лишь справедливости вечной!

II. ПЕСНИ ПЕЧАЛИ

ПО УТРАМ ШУМИТ ДУБРАВА

По утрам шумит дубрава:

— Где твой дом, село, приют?
Что в лугах цветут за травы,
Что за птицы там поют?
Что за беды сердце колют,
Что за скорбь туманит взор?
Косы ль косят наше поле,
За дровами ль едут в бор?
Как дымок над хатой вьётся?
Жарко ль там у камелька?
Как народу там живётся?
Обмелела ль слёз река?

По утрам шумит дубрава:

— Далеко до ясных дней!
Только в песне — старой славы
Сышен отзвук, — только в ней!
Далека пора благая,
Полдня солнечного взор, —
Час, когда изба любая
Сад получит, луг и двор...
Кто, смущая дух тревожный,
Мне поёт про этот день?
Плачет небо... Придорожный
Крест на землю стелет тень...

По утрам шумит дубрава:

— Пахарь божий, где же он?

Уж колосья клонят главы,

А косы не слышен звон...

Призрак Пяста вдоль по жниву

Утром вышел за снопом —

Первый колос нашей нивы

Сжать серебряным серпом...

— Эй! На ниву! Всё селенье!

Стар и млад — спеши, село!

Чтоб и к нам и шум и пенье

Вольным ветром занесло!..

По утрам шумит дубрава:

— Где твой дом, село, приют?

...Эхо вторит — слева, справа, —

И виденья вдали плывут...

НА РОДИНЕ

Мой взор, насытясь зелёной листвою

Лесов шумящих,

Напившись в блеске волны синевою

Ручьёв журчащих,

Скользил, как птица над лугом, за звонкой

Косой сверкучей,

Росой туманясь, носился вдогонку

За каждой тучей...

С волной колосьев, что клонит ветер,

Он плыл в просторе,

И всматривался на бледном рассвете

В ранние зори...

Он видел пурпур в закатном сияньи

Над всей землёю,

И к вечным звездам сквозь ночь и молчанье

Нёсся стрелю...

А ныне взор мой, как прежде, в печали
Поник тоскливой,
Хоть он и видел зелёные дали,
Золото нивы, —

Затем, что всюду — у зреющего ль жита,
У роз ли пышных —
Народ встречал он угрюмый, забитый,
И хаты нищих...

ВОЛЬНЫЙ БАТРАК

По узкой тропке, что лентою вьётся
Во ржи и просе, обходя овраг,
В сермягте рваной тихонько плетётся
Вольный батрак.

В его сиротской, покинутой доле
Никто печальней не стал бы лицом,
Никто не мог бы нестерпимей боли
Найти в живом...

Тот год был тяжким: ливней злая сила
Секла бичами посевы, поля,
И лишь солому да бурьян взрастила
В слезах земля...

Забрали хату его за налоги, —
Он не прощался ни с кем, лишь земли
Взяв горсть в тряпицу, по торной дороге
Исчез вдали...

В тихой лазури — золотые слитки,
Эхо свирели разгоняет мрак, —
И вытер слёзы полой своей свитки
Вольный батрак.

Вольный... ведь узы, связавшие душу
С родным участком — пытком, кровью став —
Обрезал сразу статьёю бездушной
Жёсткий устав.

Вольный... ведь негде простую охапку
Свежего сена попросить ему.
Вольный... ведь может он покинуть хатку —
А как?.. К кому?..

Вольный — ничто уже не гнетёт на свете,
Только коса на плече, да юдоль,
Да серой свитки лохмотья вот эти,
Да жизни боль...

Вольный... весною сирота скончался
Последний... Там он, у церковных плит...
С голода, верно... Только пёс остался
И всё скучит...

Вольный, эх, вольный!.. Он всеми словами
Может ругаться; издохнуть в пути,
Рыдать, смеяться, скрежетать зубами. —
Всё бог простит!

А может лоб свой разбить о ступени
Сельской конторы — а из-за чего?
В своей судьбе всё равно не изменит
Он ничего!

Лужок промокший, участок убогий,
Где мхи, да вереск, да волчья сырьё.
Управа вспашет... Налоги, налоги...
Ступай косить!

Ступай косить!.. И подумай о колосе!..
Хоть год без хлеба опять впереди,
Хоть редкий колос по зерну приносит, —
Иди, иди!

Чего ж ты медлишь?.. А впрочем, ты «волен»:
Кому забота? Уж сам и реши,
Топиться ль будешь, косить ли на поле
Чужие ржи...

Кому забота? И если бы даже
Упал ты мёртвым вот в этот овраг,
Никто на свете и слова не скажет...

— Вольный батрак! —

МОЯ ПЕСЕНКА

В льняной рубашке песнь моя бродит;
Весной — с опушки
Тёмного бора речи заводит
Криком кукушки, —
И ветер след ей крылом заметает,
Кропит росою,
Когда бредёт она, распевая,
Стопой бosoю...

Ведь песнь моя сиротинка родом,
Везде чужая, —
Ей бы умчаться к алым восходам
С лебяжьей стаей.
Как лебедь, крылья она раскрывает
Навстречу зорям,
Когда бредёт она, распевая,
С печалью-горем...

Ведь песнь моя и живёт печалью,
Как чёрным хлебом,
Её не сманишь светлою далью
Под чуждым небом.

Глядит бедняжка, как звезда мерцает
Сияньем жизни,
Когда бредёт она, распевая
Песнь об отчизне...

ДУБРАВА

Шумит, шумит дубрава,
Как и прежде шумела, —
Летит, летит та песня,
Как и прежде летела...

В густой дубраве, в шумной,
Ветер деревья клонит,
В печальной песне, в тихой,
Скорбь сокрытая стонет...

Каркает в той дубраве
Воронов чёрных стая,
Жалуется в той песне
Сердце земли, рыдая...

Нет, соловью не жить там,
Где ворон хищный реет,
Нет, счастья не найти там,
Где ряд крестов чернеет...

ДОРОГА

— Скажи, дорога, разве здесь ветры
Не веют?
Не мчатся бури, дождей потоки
Не сеют?
И разве солнце луч над тобою
Не стелет,
Что всю укрыли тебя буряны
Да зелье?

— Ох, веют ветры, шумят и машут
Крылами,
И бури мчатся, и тучи льются
Дождями,
И солнце шлёт мне жгучие стрелы
Из дали,
Но след людской ты на мне отыщешь
Едва ли!

— Скажи, дорога, уж не к врагам ли
Бежишь ты,
Что лишь шиповник да тёрн колючий
Родишь ты?
Иль ты уводишь в чужие страны
И земли,
Что в диком тёрне и злом бурьяне
Ты дремлешь? —
— Нет, не бегу я в чужие земли
И страны,
Не увожу я к врагам за море
В туманы, —
Веду я только к давно пустому
Порогу:
К остаткам жалким вот этой хаты
Убогой!..

КОРОЛЬ И СТАХ

Как король пошёл воиню,
Заиграла трубы к бою,
Заиграла, загудели
На удачу в ратном деле...

А как Стах пошёл на битву,
Зашептал ручей молитву,
Зашумело жито в поле
На беду, на злую долю...

Пули свищут, рати брея,
Точно косы — луг цветущий:
Короли-то всех храбрее,
Хлопы валятся всех гуще...

Плещут стяги славой бранной,
Где-то крест скрипит дубовый...
Ранен Стах смертельной раной,
А король пришёл здоровый!

И как в замок он вернулся,
Золотой рассвет проснулся,
Зазвонили все звонницы
От границы до границы...

А как Стаха в яму клали,
Тополя ему кивали,
Да звонили в росных травах
Колокольчики в дубравах.

ОЙ, НОЧКА...

Ой, ночка, ночка! Как сокол чёрный,
Над полем крылья ты распростёрла!
Они закрыли нам путь-дорогу,
Моё же горе закрыть не могут!

Упали ль перья в шумное море,
Спалили ль перья жгучие зори,
Не стало ль вихрей в земном просторе,
Иль только слёзы растопят горе?

ВИСЛА

Ой, Висла, ой, светлая Висла,
Зачем она к морю стремится?
Ой, сердце, ой, юное сердце,
Зачем оно кровью сочится?

Затем льётся светлая Висла,
Что полны от слёз её воды, —
Затем сердце кровью сочится,
Что нет ему воли-свободы!

ВЕРНИТЕ МНЕ...

Ах, верните вы мне волю,
Отпустите снова в поле,
Снова в поле, на покосы,
Где, как звезды, блещут росы,
На порог родимой хаты,
Где весна цветёт, как золото,
Где луна в ночном покое
Лик на яблонях покоит...

Извела меня невзгода...
На чужбине трачу годы...
На чужбине на постылой
По деревне сохну милой!

Сплю... не сплю... сквозь дрёму слышу —
Как колосья рожь колышет,
Как звенит в пшенице голос
Острых кос о зреый колос...
Сплю... не сплю... сквозь дрёму чую —
Как грачи в полях кочуют,
Шепчет верба у колодца,
Над росоту песня льётся...

Эй, ручей! Ручей мой светлый!
Отнеси скорей привет мой
В край родной, куда, блистая,
Мчится в небе тучек стая!

ДОЛЯ

— Ой, доля ты, доля,
Как ветер, ты веешь:
Одним цветы косишь,
А другим их сеешь!

Одним цветы косишь
На могиле счастья,
А другим их сеешь
Средь бури-ненастья...

Одним цветы косишь —
Лишь в сердце проглянут,
А другим их сеешь
Весной на курганах...

«ADESSO PARLA»

Беседуй с ними, о душа земная,
С теми, кто связан с твоим светлым лоном.
Беседуй с ними, словно мать родная,
Слезами, стоном...

Пускай пробудят лесов твоих шумы,
И кручи гор, и ветров дуновенье
В их сонных душах хоть минуту думы,
Тоски мгновенье...

В гряде курганов, никем не хранимой,
Ты покажи им былые могилы, —
Пускай вернутся они в дом родимый,
К истокам силы...

Дубам дай голос, чтоб напев старинный
Сказаний славы они услыхали, —
Дай увидать им и клин журавлинный
В небесной дали...

Пусть твои реки им настроят гусли,
Где струн жемчужных созвучье дрожало б
Музыкой эхо, отголоском грусти,
Отзвуком жалоб...

Вдохни в сердца им крепкий запах поля,
Дай хлебный колос от нив серебристых,
И мёд, что собран пчелото на воле
С цветов росистых...

Стелись пред ними пшеничной дорогой,
Где мак алеет средь звонкого золата,
Раскрой их дух для сермяги убогой,
Для чёрной хаты...

Будь доброй няней, — но не к / дрёме сонной —
К труду, к работе, на подвиг грядущий
Дыханьем утра и зарёй стозвонной
Овей их души!..

Дай им на нивах и в лесистых недрах
Голос твой слушать по вечерним зорям,
Благослови их рукой твоей щедрой,
Благостным взором!..

О мать! Из праха, что костями, кровью
В тебе истлевает — скорбной и чёрной, —
Сбирать учи нас твою любовью
Живые зёрна!

III. Д У М Ы

СЛОВНО ОЛЕНЬ

Словно олень, что к источнику мчится,
Стряхая росы и шурша листвою,
Тоскует дух мой и жаждет напиться
Водой, живою!

Мой дух подобен иссохшим растеньям,
Спалённым солнцем на выжжениой сече, —
Ни ночь, ни утро не шлёт облегченья,
Ни душный вечер...

Так где ж те реки, те ручьи, потоки,
Что мир по ранним поить будут зорям?
Я слышу гул их, как прибой далёкий,
Как рокот моря...

С горных громад, как плащи голубые,
Из тайников, из-под гнёта запрета
Они пролыются на долы земные
В лучах рассвета!

Ударят взмахом серебряных крыльй
В глухие стены прогнившего дома,
И вздрогнут люди под грудами пыли
В раскатах грома...

И грянут ливни над всеми лугами,
Где сев грядущий сушат злые травы,
И вновь живыми зацветут цветами
Могилы славы!

И слёз и крови половодье жанет
Уже навеки в лазурное море,
И новый мир из глубин его встанет,
Новые зори!..

У СТАРОЙ ПЛОТИНЫ

В дугу согбённые трудом
И годами усилий,
У стен плотины бедняки
От едкой слепнут*пыли.

Чуть дышат впалой грудью. Пот
Им застилает зренье...
Так трудно меж иссохших ног
Обтёсывать каменья...

На слабых лысых головах
Клочки седого пуха,
В склонённых спинах позвонки
Потрескивают сухо...

Любой несёт не меньше лет,
Чем старая плотина,
А сколько — верно, смерть сама
Забыла счёт годинам...

Канаты, брёвна волокут,
Впрягаясь в тачки парой, —
Им надо стену укрепить
Плотины старой, старой...

Но тщетно щебень валят вкруг,
Вбивают в грунт колоды:
Все загражденья рвут из рук
Крутящиеся воды.

Трещат верёвки, тонет бут
И камни под ударом

Мятежных вод, что в стену бьют
Плотины старой, старой...

И, труд прервав, они тогда-
Следят застывшим оком,
Как мощью волн кипит вода
В дыхании широком...

Уста иссохшие то ль стон,
То ль возглас приоткроет, —
И смотрят, смотрят, как волна
Грунт под ногами роет...

Ни жалоб. Ни напрасных слов.
Лишь над стихией ярой
Качанье грустное голов
С плотины старой, старой.

ЭКСПРЕСС

Гул...

Свист...

Бег дикий...

Всё вместе слилось:

Молчанье, клики,
Слабость и сила,
Тучи и горы,
Вёсны и зимы,
Пустыни, боры,
Поля озимых,
Реки, как змеи,
И блеск лазури...

Нас бич железный
По краю бездны
Гонит и косит:
Мир рвётся с оси...

— Держись сильнее!
— Мы мчимся, мчимся, как буря!..

— Дальше от края
Моей печали!
Пеною играя,
Реки промчались,
Вершин громады
Вонзились в тучи,
Дрожь водопадов
Свергая с кручи...
И я, как птица,
Что бьёт крылами,
Должна носиться
Ночами, днями —
Со скал в долины,
С долины к морю,
Тенью орлиной
В синем просторе...
Земля мелькает,
Мир тонет в дали.
— Дальше от края
Моей печали!..

Гул нестерпимый,
Грохот всегдаший:
Стены и башни
Близко несутся —
Вот-вот столкнутся
Громадой звонкой!..
Промчались!.. Мимо!..
Дикая гонка
Мир увлекает:
Змеёй сверкают
В гуле и тряске
Образы, краски...
Лишь луч денницы

В долину глянет,
Как луг с цветами
Сохнет и вянет. —
И ввысь клубится
Синее пламя...
Проходит мимо
Рой великанов:
Под смрад их дыма
И мглу туманов
Чернеют лица
И солнце тмится...
В гуле и гаме
Комет хвостатых,
Бросая пламя
Глазниц зубчатых,
Рать исполинов
Гигантским клином
Мчится, слепая, —
Несёт нас и гонит в дали.
— Дальше от края
Моей печали!..

Здесь — вихри снега,
Там — зноя стрелы, —
И нет предела
Шума и бега...
Дым...
Гарь...
Блеск...
Искры...

Страшная сила
Несёт нас быстро
Сквозь мрак могилы,
Втолкнёт сурово
В толпу вампиров —
И гонит снова
К солнцу и миру...

В огнистой пыли
Чувства застыли.
Едва дышу я,
Едва жизнь чую...
Кровь приливает
Зловещим шумом,
Не успеваю
Отдаться думам,
Не жду, не знаю, —
Мир мчится в дали...

— Дальше от края
Моей печали!!!

БАРКА

Толпы нарядной шум и блеск
Под солнцем безмятежным,
И шорох волн, и мягкий плеск
На золоте прибрежном;

Смех, как веселье, молодой,
Над влагой синей-синей,
И отзвук эха над водой
В лазоревой пустыне;

На каждом гребне солнце... Пух
Цветка на груди каждой...
И грудь и волны — тот же дух
Вздымает жизни жаждой!

Но лишь серебряную мглу
Развеял воздух жаркий,
Как стало видно: по руслу
Плыёт безмолвно барка...

Плыёт лениво, тяжело,
Влекомая теченьем;

Снят парус; правит лишь весло
Медлительным движеньем.

И странный груз несёт она
Во чреве плоскодонном:
Плита к плите на ней видна,
Как пни в бору сведённом...

То — из каменоломни груз,
Простой, суровый, серый,
Где каждый надмогильный брус
Обмерян той же мерой.

Весь в ру比ще, везёт гранит
Рыбак, на барке стоя;
А розы пахнут, смех эвенит,
А воздух полон зноя...

И барка тихий тяжкий бег
С кладбищенскою кладью
На солнечный цветущий брег
Стремит над водной гладью.

И тянутся головки дам
В толпе шумливой, яркой:
— Что это движется там?
— Что тащит эта барка?

Привстав на цыпочки, смеясь,
Следят за ней, кивают...
А тень весла бежит, дробясь,
И барка проплывает...

Но если б сдунуть голубой
Покров, что в знойном дыме
Дрожит, — на плитах бы любой
Прочёл своё же имя...

А если б кто направил слух
В грядущее — могло бы
Услышать сердце тихий стук
Земли о крышку гроба...

Но кто жепомнит смертный час,
Когда вокруг пылает
Багрянец роз и звезды глаз?..
И барка проплывает...

Удар весла прорежет гладь
Глубокой бороздою, —
Влюблённый смех звенит опять
И плещет над водою...

...Но ветер, в чёрной глуби встав,
Запенил водоворти,
На смехом полные уста
Дохнув дыханьем смерти.

И странная от груза тень
Толпу на миг скрывает —
И холод веет в жаркий день,
И барка проплывает...

ПОЭТУ

— Видишь: простёрлась пред тобою нагая
Чёрная пашня — но дремлют в ней краски,
Спят зёरна летних цветов, ожидая
Солнечной ласки...

— Согрей же лоно ей жаркою песнью,
Звени нам вестью!

— Видишь: под голым и пустынным лоном
Текут глубоко родники живые,
Что, утоливши уста миллионам,
Потоком хлынут в моря мировые...

— Вей же над ними, словно вихрем, песнью,
Звени нам вестью!

— Видишь: то сверху земля омертвела,
Но в глуби — соков живых трепетанье,
Что нам веками и духу и телу
Дают питанье...

— Засей же нивы правдивою песнью,
Звени нам вестью!

— И мысль и подвиг растут, как пшеница,
Из малых зёрен, что в глубинах дремлют,
Придёт весна — и посев всколосится
И скроет землю...

— Пусть все не верят — ты пой о них
песню, —
Звени нам вестью!

Никто не знает, откуда крылатый
Зародыш жизни принесёт судьба нам:
С ветром ли вольным залетит он в хаты,
В пашню ль — с туманом...

— Питай слезами и вспахивай песнью
И будь нам вестью!

НА ВЕРШИНАХ

Цветущих трав наряд зелёный
Кремнистых Татр украсил склоны,
На мхи с жемчужною росою
Опершився стопой бosoю;

А выше — блещет камень голый,
Ключи оттуда льются в долы,
Бьют водопады влаги чистой,
Прозрачной, свежей, серебристой...

А выше — в синеве безбрежной,
Как полный кубок браги снежной,
Горят на солнце, словно пламя,
Вершины, стыниущие льдами.

Вначале путник, воздух горный
Вдыхая, рвать цветы стремится,
Потом он ловит ключ проворный
Рукою на лету, как птицу;

Но лишь вершины призрак льдяный
В лицо поеет стужей жгучей, —
Шепнёт он, в вечный холод глянув:
«Жизнь! Где же твой поток певучий?»

Вершины! Пусть, горя венцами,
Поднялись к небу вы зубцами,
Пусть сёстры вы угрюмой туче,
Но сердце гор — не ваши жручи!

Ключ, из земли родимой бьющий,
Живой струёй в лугах бегущий,
Вам не пронижет грудь стремленьем,
Кровь не зажжёт журчащим пеньем...

Застыв под вечными снегами
Челом, изваянным в граните,
Лишь мёртвый холод вы храните,
И мёрзнут облака над вами,

Несущие дожди живые
Весной на пашни трудовые...
Когда же буря бьёт крылами,
Одев вершины сетью молний,

И белых плахт мерцает пламя
Над хатой горца, — страхом полня,
Растёт во мне вопрос упорный:
Зачем венцы громаде горной?

КОНЕЦ ВЕКА

I

Готов костёр. Высок костёр.
Уж птица века — феникс —
К полёту крылья распростёр,
В предсмертном клича пеньи...

Уж валится сосновый бор,
Дуб падает за дубом,
И век их тащит на костёр
И складывает срубом...

Уж балки сгнившие трещат —
Венцы былого дома:
Они сгорят под дым и чад,
Как прелая солома...

Уж в чёрных тучах ярый гром
Несётся ратью быстрой,
Чтобы в сухой истлевший лом
Метнуть багряной искрой...

Мы запахом смолы, из жил
Лесных излитой, дышим, —
Стук топоров и скрежет тил
По тёмным дебрям слышим:

«Долой их сырость, мрак и тень!
Пора прочистить лоно,
На блеск зари! На светлый день!» —
Горопят миллионы...

И вянет всё — трещит, как сушь,
Под грозным шагом века:

Что хочет жить — уходит в глушь,
Незримую от века...

И в гулких, кованых шагах
Стихают песен волны,
Цветы роняют жемчуга,
Росою свежей полны...

Но время ль тешить праздный взор,
Скорбеть о доле сирой?..
Высок костёр, — готов костёр
Для новой жизни мира!

II

Сквозь ночь и день, сквозь гарь и чад
Дыханье толп^ж всё ближе:
Они опешат, спешат, спешат,
Пока ты грёзы нижешь...

Спешат — и тащат всё к костру,
Что возрождает землю, —
Свои мечты, надежды, труд,
Как тяжкий груз подъемля...

Несут преданья, своды прав,
Печати книг свободы.
Чтоб бросить всё, как горсти трав,
На будущего всходы...

Несут кресты забот и вер
Без слов, как рой бездомный, —
И всё бросают — вверх и вверх —
В огонь костра огромный...

Кто сбросил ношу, тот поник
Усталый, тихий, бледный,
И толп громада в тот же миг
За ним подходит следом...

Нет — солнце не осушит взор,
В сырых туманах кроясь...
— Высок костёр. Готов костёр,
Чтоб новый мир построить!

III

Уже следы кровавых стоп
Багрянят путь столиций,
Где цель — для всех дорог и троп —
Огонь костра великий!

Но крепче гнёт... Но меньше сил...
Трепещет мир усталый:
«Не все ль дано, что ты просил?» —
«Нет! — век бросает, — мало!»

Но больше нечего отдать:
Всё брошено в горнило,
На чём поконится печать
Надежды, воли, силы...

И подымают толпы взор
Очей, что годы слепли:
Не мчится ль феникс на простор,
Восставший в жарком пепле?!

В сердцах — надежда, вера, страх...
И, простирая руки,
Бредут одни — в огонь костра.
Другие — в ночь, на муки...

И шепчет тот, кто пал, жосой
Подрезан, словно колос:
«Я слышу крылья над собой
И шум, и плеск, и голос!..»

Уж в чёрных жилах стынет кровь,
Мгла застилает зренье,
А он всё шепчет — вновь и вновь:
«Там свет!.. Свобода!.. Пенье!..»

Смолкает... прах его толпой
Уже затоптан в землю...
Часы бегут слепой тропой:
«Спеши! — к костру подъемли

Дыханье жизни — лучший дар,
Чтоб раздувалось пламя,
Всепожирающий пожар,
Сверкающий над вами!»

Готов костёр. Высок костёр.
Уж птица века — феникс —
К полёту крылья распростёр,
В предсмертном клича пеньи...

О МИР МОЙ!

Где же гром тот весенний, бури грозной хоры,
Что твои поколеблет долины и горы,
О мир мой?

Где тот свет, что прорежет сумрак дней грядущих,
Свет, которого тщетно ищет взор живущих,
О мир мой?

Где тот ливень, что вихрем пройдя над тобою,
Кривду, кровь и бесславье с твоих черт омоет,
О мир мой?

Где блеск молний, разящих бы́лое бесправье,
Возжигающих жертвы красоте и славе,
О мир мой?

Где тот взор, что увидит, как взойдёшь из
тьмы ты
В блеске радуг, — слезами, как ливнем, омытый,—
О мир мой?

Где та лютня, что дремлет в глубине народа,
На которой сыграет свою песнь Свобода,
О мир мой?!

В СТАНЬ, ДИТЯ!

1

— Встань, дитя, — и в золотые,
Тяжким потом политые
Выйди нивы: в ласке неба
Там звучит в колосьях хлеба
Перезвон стеклянный...
Слушай, слушай эти шумы:
Не родится ль в сердце дума—
Что за росы светят в поле,
Как батрачью должно долю
Чтить под свиткой рваной!

2

— Встань, — учись носить заране
Тяжесть лат, как в поле брани
Рыцари когда-то;
Но другие — не из стали,

Как в былые дни ковали
Шлемы те и латы, —
А сверкающие брони
Духа, их ни ржа не тронет,
Ни кольё, ни стрелы;
Щит же сделай ты из чести
И свободы — с ними вместе
Выйдешь в битву смело!

3

Коль увидишь ты, как быстро
С наковальни мчатся искры,
Или молот мерным счётом
Тяжко бьёт всё снова, снова,
Иль в лице, залитом потом,
Прочитаешь о суровой
Доле, — встань, о сын мой милый,
И склонись челом пониже:
Знай, народ и труд, — вот силы,
Что всё держат и всё движут!

4

Чти, дитя, в трудах упорных, —
В каждой капле — моря лоно,
Нив богатство — в малых зёрнах,
В гроше малом — миллионы,
В правой мысли — мир растущий,
В мире — жизнь и поступь века,
А в себе самом — грядущий
Образ человека.

IV. НА ЧУЖБИНЕ

1. СОНЕТЫ

МОЛ В ГЕНУЕ

Море дымкой миловых туманов клубится;
Прядь за прядью, как парус, в синей дали тонет,—
Словно ветер дыханьем от берега гонит
Корабли духов моря, галер вереницы,

Дальше, дальше — к востоку, к древних стран
границе,
Где досель ёщё бродит в первозданном лоне
Хмель старинных преданий, чтоб в синем затоне
Бросить якорь и в энойном луче раствориться...

Пей прохладу рассвета, пока солнце полдня
Не погубит, всё бронзой расплавленной полня,
Корабли синей мглы и аметистов чары, —

И погляди, послушай, как туманы блещут,
Как от мола до Порто-Фино трепещут
Серебристые струны текучей кифары! ¹

ФИУМИЧИНО

Над болотами Рима — покрывало пара. —
Солнце жжёт тростники. Над зловонною тиной

¹ Кифара — старинный музыкальный инструмент.

Жёлтый Тибр протекает ленивой низиной:
Фиумичино — направо, налево — Фиумара.

Возле «Isola Sacra» — белых коз отара.
Вон — пастух дремлет рядом, испачканный глиной;
Порт Траяна чернеет позади руиной,
И туман проплывает над Остией старой.

Но туман исчезает — и блестит в просторе
Золотисто-лазурной лагуною море,
Где отлив, словно птица, мерно бьёт крылами.

Рим! — Не смыть даже Тибру всей гнили и
праха
Вековой твоей жизни — и море от страха
Отступает, жасаясь его струй устами...

КАПРИ

Капри! Мир, иссечённый из скал... Под скалою
Дикий берег, безлюдье, дальний зов сирены...
Вот рыбак полуголый из порта Карены
Свой костёрик разводит... И листья алоэ

Тлеют, точно папирус, где рукою бренной
Содрогаясь от страха, вписало былое
Век Тиверия, грозной и кровавой мглою
Прошумевший над Капри в суете мгновенной...

Но подвинься к костру, и помолчи, и слушай
В тишине над заливом и пустынной сушей,
Что тебе повествует рыбак-горемыка...

Цезарь? Август? Тиверий? — не слыхал, не
знает...
Лишь внимательно глядя, как костёр мигает,
Речь заводит про голод... Вот его владыка!

КОГОЛЕТТО¹

Низкий маленький домик в голубом просторе;
След шагов за столетья по истёртым плитам
Вдоль кирпичного пола; за окном раскрытым
Грозный рокот прибоя и кипенье моря.

Полки книг; кто-то жил здесь, видел радость,
горе...

«Жил чужой человек, был он хворым, разбитым,—
Говорит мне старуха и ворчит сердито:—
Вот и помер...» — но голос тонет в гуле моря.

Роюсь в груде на полке, никем не хранимой,—
Эдвард Юнг!² Вдохновенный, нищетой гонимый,
Это ты?! — и читаю, пока светят зори

Дымно-алым сияньем... Так вот они, «Ночи»,—
Всем чужой, одинокий, тайновидец-зодчий,
Здесь он умер... И громче слышен рокот моря.

GRAN SCOGLIO³

Ночь. Весенняя буря. Гонит гребни ветер.
В вихре пен налетают кипящие шквалы.
Иссечённые ветром, глухо стонут скалы.
Стражи нет. И рыбачьи припрятаны сети.

¹ Коголетто — на дороге между Генуей и Савоной; спорят с Савоной о месте рождения Колумба.

² Эдвард Юнг (1681—1765) — крупный английский поэт, автор «Ночных раздумий», поэмы, переведенной на все европейские языки.

³ «Gran Scoglio» — скала на генуэзском побережье, откуда отплыл Гарибалди со своей «Тысячей» в ночь на 5 мая 1860 года.

Вдруг — как молния вспыхнул огонёк — и светит
Над Gran Scoglio искрой золотисто-алой, —
Сышен возглас: «I Mille!»¹ и кораблик малый
Чалил к берегу — первый... и второй... и третий...

Заскрипел под шагами кремнистою грудой
Мелкий гравий... Вождь духов иль герой отсюда
В мир помчится орлом сквозь мятежные воды?

«Mille!» — слышится голос... Буря вторит:
«Mille!»

И к Сицилии ветер гонит строй флотилий —
О Италия! Грянул час твоей свободы!

PORTO VECCHIO

Гомон... Крик... Застилают волн лазурных пенье
Блеск лохмотьев и крови клокотанье алой, —
Люди, вёсла, канаты и мостки причала, —
Говор сотен наречий, шумных толп кипенье...

Оживлённые жесты, суeta, движенье,
Крик разносчиков устриц, дети валят валом:
На груди — против сглаза — рожки из коралла,
За ушами гвоздика, и во всём — стремленье...

Жаром пышет от тел и зрачков золотистых...
Море! Ты — словно кубок наслаждений чистых
Этим солнечным толпам, — ты очаг и дом их!

Берег твой, точно форум, — и он же им ложе,
Где классических тел их ты баюкать можешь
Сон блаженный — под песню валов неуёмных!

¹ «I Mille» — «тысяча» — пароль и боевой лозунг Гарибальди в борьбе за национальное освобождение Италии от иноземного владычества.

2. URBS AVINIONENSIS

ТРУБАДУР

Трубадур мой у балкона
Вновь бренчит своей гитарой,
Длинной, длиною канzonеттой,
Словно мир — печальной, старой...

Но сегодня веселее
Взял он темп — быстрее звуки...
Или это под мистралем
Резче вздрагивают руки?

Вот он, голову понурив,
Прислонился у балкона,
И его дрожащий голос
Напевает мне канzonу

О весёлых днях Прованса,
Вечном солнце, синем зное...
А над ним мистраль проходит,
Мчится, жалуясь и воя...

По отцу мистраль тот родом
С снежных Альп, с крутых отрогов,
А по матери — из дальних
Пиренейских тёмных логов;

Две трубы на бледном небе
У него в гербе маячат:
Волчий-вой звучит из первой,
Во второй — гиены плачут...

И поёт их хор призывающий
О весне, любви и мести, —
И мистраль и трубадур мой
Канzonетту тянут вместе.

Но звенят по окнам стёкла,
Ветер рвёт кусты и крыши —
Трубадур поёт всё глуше,
Трубадур поёт всё тише...

Полы чёрного кафтана
Разлетелись под напором,
Точно траурные крылья
Распластал под ветром ворон...

На седых ресницах — слёзы...
Смолк — и поднял взор к балкону —
И, прижав к груди гитару,
Хочет нас почтить поклоном, —

Но порыв летит по струнам,
И они звенят и стонут —
И мистраль за трубадура
Продолжает петь канzonу...

ЖАКЕМАР И ЕГО ЖЕНА¹

В башне ратуши старинной,
В древнем, мудром Авиньоне,
Жакемár с своей женою
В старый колокол трезвонят.

Упłyвают дни и годы,
Мчатся волны Роны старой,
Но от века в Авиньоне
Не видали лучшей пары!

¹ Бронзовые фигуры, отбивающие часы на башне старой Авиньонской ратуши.

Что бы ни было за время, —
Над скользящими веками
Жакемар с своей женою
Бьют по бронзе молотками.

Поутру звонят для папы,
Что пришёл из Арагона¹,
Вечеру внимает маршал²
Волны бронзового звона...

Шлёт под звон рескрипты папа
В стан врага, грозя жестоко,
И под звон — в ответ на буллы —
Свистут тули Лангедока...

А когда исчезли оба,
Кончив поприще земное,
Зазвонили для Легата
Жакемар с своей женою.

Так, пред каждой новой сценой
В древнем, мудром Авиньоне
Жакемар с своей женою
В старый колокол трезвонят...

Город с ратушей — едины;
Мудрость старца — в башне старой:
— Был бы сыр, вино, оливы,
Что нам посох и тиары?!

В ГЕТТО

В Авиньоне пышный праздник:
Папа избран — папа новый!
На кудрях прекрасной Сарры
Жёлтый цвет горит обновой...

¹ Антипапа Бенедикт XII.

² Маршал Бусико, осадивший в 1411 году папский дворец в Авиньоне во главе лангедокских войск.

Лишь вчера тюрбаном красным
Сарра кудри украшала, —
Но сегодня — новый папа:
Жёлтый цвет сменяет алый¹.

Сарра, юная супруга
Каббалиста, дочь менялы,
Знает все права и глейты²,
Все проделки Трибунала...

Знает: в час, когда над Роной
Вспыхнут пламенные перья,
Весь народ её погонят
За ворота с чёрной дверью.

Знает: дверь со стоном ржавым
Хлопнет, точно крышка гроба,
И под властью папы — гетто
Всех замкнёт в свою утробу.

Всех замкнёт: отца и деда
С тусклобелыми глазами,
И чахоточного мужа,
И её — с её слезами...

Муж с отцом тогда займутся
Счётом талеров, дублонов,
После примутся за тору,
А за ужином — застонут...

Старый дед чело поднимет,
Серебро седин проснётся,

¹ Еврейки в Авиньоне должны были во времена папстваносить на голове ленты определённого цвета, причём сменой папы менялся и цвет лент.

² «Глейт», или «Железная грамота», выдаваемая властями, должна была обеспечивать личную неприкосновенность еврея.

И гремящий стих пророка
Из пруди его польётся.

Он споёт о днях великих,
Возвестит, что близко время,
Что не будет знать о гетто
Возродившееся племя...

Вождь идёт уже могучий,
Он разрушит все темницы,
Скоро, скоро день господен
Заблестит, как луч денницы!..

И воздев худые руки,
И вперив глаза слепые,
Изольёт он скорбь пред богом
Мощным гласом Иеремии...

А пока взывать он будет,
И отец и муж учёный
Вновь начнут считать флорины,
Сыпать талеры, дублоны...

...Ночь над гетто... Ночь глухая
Стелет в гетто страх и муку...
Под светильней тусклой Сарра
Клонит голову на руку;

Взор горит, как взор Юдифи,
Кисть в кулак бессильный сжата,
И горячее дыханье
Раскрывает губ гранаты;

На устах звучат угрозы:
Ах, сорвать бы, растоптать ей
Эту ленту — яркий, жёлтый
Знак изгоя, знак проклятья...

Ей бы древней Иаилью
Гвоздь забить в висок Сисары¹
...И звенят, звенят флорины,
И поёт безумец старый...

3. ИТАЛИЯ

ВИЛЛА ВОЛКОНСКИХ²

(Памяти Адама Мицкевича)

Здесь он жил. Здесь мечтал. И отсюда свой взор он
Устремлял, опалённый мятежной тоскою,
Сквозь Сабинские горы — в мир, повитый мглою,
И отсюда душою рвался к шумным борам...

Здесь он пел... И влюблённый напев соловьиной
В миртах молкнул, внимая полный страсти голос,
Где шептала дубрава над родной равниной,
Где звенел над межою золотистый колос...

Здесь он мыслил... Отсюда его дух стрелою
С напряжённого лука — из страны лазури —
Нёсся в тучах и ветрах кипящей грозою
И на севере крепнул под аккорды бури...

¹ Военачальник князя ханаанского, Сисара, разбитый израильским полководцем Вараком, скрылся в шатре Иаиля, жены Хевера Кенеянина, с которым Сисара был в мире. Иаиль приняла Сисару и угостила его, но, когда тот заснул, пробила ему висок гвоздём, так что он, «уткнувшись в землю, умер» (Кн. Судей, гл. 4).

² Вилла князей Волконских в Риме у церкви Иоанна Латеранского принадлежала в то время Зинаиде Волконской. Там в 1829—1830 годах часто и подолгу живал Адам Мицкевич.

Здесь следил он подолгу — вот за этой чёрной
Однокой сосной, взор от роз отвращая, —
И отсюда умчался... Он орёл был горный,
И гнезда не забыл он, наш дол посещая.

ДОРОГА К ФЬЕЗОЛЕ

Когда спешили мы к Фьеэоле вместе,
Он молвил: «Долго, как странник, иду я
К твоей душе, и печалью и песней
Над ней колдуя...

Но кратко время, а надо так много
Сказать тебе и послушать в раздумья:
Спросить, алеет ли маком дорога
В пшеничном шуме...

Ведь кратко время, а должен узнатъ я
О чебреце, что душистым покровом
Растёт на грядках, — васильках и мяте
Под синим кровом...

О всяком зельи, смиренном, бездумном,
Трепещет сердце заботой и болью:
Отсюда чую, как под ветром шумным
Знобит их в поле...

Потом хотел бы я начать расспросы
О травах в сёлах и глубоких логах,
Где, точно слёзы, серебрятся росы, —
И на дорогах...

Я должен знать и про фиалку в чащѣ,
Про царский скипетр, и сосновый корень,
И белый ландыш, по утрам звенящий
Небесным зорям...

Скорей поведай, ведь срок наш так краток!
Сжигает душу мне сухое пламя:
Весь день я грежу, в родных ароматах
Дышу полями!..—

...И шёл вперёд он, и руки ломал он,
Охвачен болью безмерной печали...
...Луна ладьёю над Фьезоле встала
В синей эмали...

В СУМЕРКАХ

...Сладостною дрёмой
Тиши долины нежит;
В кипарисных рощах
Вздох провеял свежий...
В золоте и в сини
На лугах медвяных,
Сея чар туманы,
Клубится печаль...

Птицей утомлённой
День к гнезду стремится,
Что звездою дальней
Чуть-чуть серебрится...
Ночь серпом Дианы
Украшает косы,
Отряхая росы,
Плащ волочит вдаль...

Сумраком ресницы
Очи ей укрыли, —
Тихая, проходит
В прядях звездной пыли...
Простирает руки
В воздушном просторе:

Слушает, как моря
Сонно плещет сталь...

Лунной диадемы
Зачарован бредом,
В дрёмный путь за ночью
Выхожу я следом...

Простираю руки —
Утонуть в пространстве,
И для этих странствий
Мне жизни не жаль!..

НАД МОРЕМ В ЗАТИШЬЕ

Ни сон, ни бденье... В забытьи
Ни памяти, ни горя...
Лишь простираю руки свои
Над тихим лоном моря.

К вратам небес — к земной стране —
Уж не ищу дорогу,
Лишь знаю: крылья растут во мне,
Они лететь помогут.

Душа моя передо мной
Мерцает лёгкой тенью, —
Склонившись с лодки над глубиной,
Двоится в отраженьи;

То заскользит над тишиной вод,
Как пчёлы над лошиной,
И пьёт забвенья сладчайший мёд
Из голубой пучины;

То склонится за борт ладьи,
Чтоб голос бездны слушать, —
И бездна ей все тайны свои
Нашёптывает в уши...

Что различит в том звуке ум?
Плеск волн? Сердцебиенье?
Игру ли моря? Крови ли шум?
Иль смерть? Иль воскресенье?..

...Стихает волн чутъ слышный хор,
Безмолвен берег дальний,
Лишь мчусь куда-то в синий простор
Над вечностью хрустальной,

И руки сами поднялись
Над влагою безбурной,
Как крылья птицы, летящей ввысь,
Туда — в хрусталь лазурный...

И ВА НА ПРАТО

— Ива, плакальщица ива,
Бедная моя!
Об одном мы сиротливо
Плачем — ты и я!

На распутье троп скитальных
Мы занесены
И грустим о годах дальних,
О поре весны...

По лиловым плачем ворям,
Соловиным дням,
Счастью, в полночь в лунном взоре
Снившемуся нам...

По умершим розам лета, —
Помнишь цвет тех роз?
Как шумела им приветом
Золотая рожь?

Над далёкой плачем хатой,
Где забита дверь,
Где повырваны, помяты
Все цветы теперь...

...День за днём зарёй маячит, —
Как печаль тяжка!
Ива бедная всё плачет,
Всё растёт тоска...

Заблудились мы с тобою:
Где наш братский хор?
Край чужой сдавил толпою,
Точно чёрный бор...

Всё печальней, всё безвестней
Путь наш впереди,
А на сердце те же песни,
Тот же плач в груди...

И останется на деле
После нас с тобой
Только тихий зов свирели
В дымке голубой!

4. ЮНГФРАУ¹

(Швейцарская легенда)

В утро свадьбы великой
В волнах трубного клика
Зорь багряные громы
Мир подняли из дрёмы:

— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

¹ Юнгфрау — считавшаяся до последнего времени недоступной горной вершине в Бернском Оберланде (4667 м). «Юнгфрау» — «Panna M'oda» — значит так же и «невеста».

Солнцем мир озарился,
И жених пробудился,
Шлёт над светлым туманом
За ответом желанным:

— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

Вот — по горным дорогам,
По гранитным отрогам,
Дружки вышли к Невесте.
Дружки сходятся вместе:

— Нет, не готова, нет, не готова, Невеста всё
не готова!

Вот — жених уже в латах,
Собираются сваты.
Сходит утро в долины,
Сышен клёкот орлиный:

— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

Не пришло ещё время,
Ночь ещё надо всеми, —
Дремлют суша и воды.
Племена и народы:

— Нет, не готова, нет, не готова, Невеста всё
не готова!

Ещё Лазари-люди
Ждут, тоскуя о чуде:
Кто от смерти и тленья
Им пошлёт исцеленье —

— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

Шлёт жених два потока
По дороге далёкой,
Чтобы мчались гонцами,
Возвращались с вестями:

— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

— Реки, вспять поспешите,
Жениху расскажите:
Над вершиною льдистой
Свит венец мне огнистый,

Только венчальный, только венчальный наряд ещё
не готов мой!

Мчатся реки, как звери,
Пали с грохотом двери,
Вихрь ревёт на просторе,
Стоном пропасти вторят:

— Нет, не готова, нет, не готова. Невеста все
не готова!

Воют в ветрах органы,
Вьют одежды туманы,
Держит кольца священник
В золотом облаченьи:

— Когда же будет, когда же будет Невеста
к венцу готова?

То затишье, то бури
Мир качают в лазури,
Мчится век, как мгновенье,
Ропщет гром в отдаленьи:

— Когда же будет, когда же будет Невеста
к венцу готова?

Тонут в вечности годы,
Стонут в тюрьмах народы:

«Растворите темницы!
Утро в двери стучится!
Давно должна быть, давно должна быть Невеста
к венцу готова!»

Но чело она хмурит,
Никнет в снежные бури:
— Не пришло ещё время,
Ночь ещё надо всеми,
И не готова, и не готова, Невеста всё не готова...

Лишикогда голос судный
Взвоет в тьме непробудной,
Рухнут стены и створы,
И сравняются горы,
Рог возмездия грянет,
Солнце в бездну заглянет,
И под острой секирой
Ляжет в прахе полмира, —

Тогда лишь будет, тогда лишь будет Невеста к
венцу готова!

ГРОБНИЦА РЫЦАРЯ

Он на гробнице с давних пор
Стоит в тяжёлых латах,
И смотрит ввысь — и щит в руке
И шлем на нём крылатый.

Он слышал весть, когда ещё
Не вынул смертный жребий:
«Когда косить окончит смерть,
Труба взыграет в небе».

И ждёт он век, и ждёт он два,
Средь жатвы смерти стоя:

Не прогремит ли там, вверху,
Созвучье золотое?

Могильной ржой изъеден меч,
Дождями — шлем крылатый,
Снега и вьюги бьются в щит,
А он всё ждёт расплаты...

Уж солнце выпило зрачки,
Мох вырос на одежде,
Из лат разбитых вьётся прах,
А он всё ждёт, как прежде...

И слушает — и день и ночь
Гранит чела возносит.
И смерть блуждает вокруг него,
И косит... косит... косит...

V. СЕЛЬСКИЕ ПЕСНИ

СНЫ МЕНЯ ОБСТУПИЛИ

Сны меня обступили опять вереницей
Скучной и тесной,
Я же вновь устремлюсь быстрокрылой птицей
В полёт безвестный...

Манит душу пространство... Облака,—как кручи,—
В них дремлют грозы...
И несёмся мы трое: я, обрывок тучи
И листик розы.

Листик первый упал на цветущий пригорок
К чужой границе,
Точно слово привета тому, кто так дорог,
Кто сердцу снится...

Но и туча, облекшись в белизну и злато
В лучах полдневных,
Задрожала тоскливо над последней хатой
Родной деревни...

Ветер мнёт ей одежду, и она всё глуше
Плачет над лугом,
Где босоногий дед и ребята под грушей
Расселись кр гом...

Ей не хочется дальше... Рождена печалью
Речных туманов,

Как узнает она мир за синею далью,
Чужие страны?

И одна уношусь я, скорбью в сердце мучась,
Точно угровой:
Отчего же остались на родине туча
И листик розы?

Я б из тучи свила покрывало синее
Ночей бессонных,
А из листика розы... но ведь нет сильнее
Чар для влюблённых!

Но зовут синим чудом, манят в путь земные
Дали, туманы:
Ах, увидеть своими глазами иные
Нивы, курганы!..

Ах, услышать, как люди разговор заводят
Чужою речью,
Подстеречь юный месяц, знать, каким он всходит
В чужом заречье...

Знать, где радуга прячет своих лент сиянье,
И долго ль смеху .
И каким вторит песням в вечернем молчанье
Томное эхо...

Ведь в деревне я знаю всё кругом досыга,
Всё мне постыло:
Каждый день всходит солнце за холмом, где жито,
И так и было...

Знаю, где незабудки расцвели в канаве,
Где — куколь алый,
Где соловушка серый свил себе в дубраве
Свой домик малый;

Где отец пашет ниву, мать холстины белит,
Как в воскресенье
В деревенском оркестре пастушьей свирели
Печально пенье...

И ксендза, и кладбище, и сумрак костёла, —
Знаю, ах, знаю...
Тяжко мне!.. Призывают, манят синью долы, —
Вся даль земная!

СВИРЕЛЬ

— Ива, кто тебя лелеял,
Поливал,
Кто в лесу твои свирели
Чаровал?

— Породил меня отец мой —
Лес густой,
Как стоял в росе по пояс
Ночкой той;

Накормила, напоила
Мать-земля,
Рядом — плакали берёзки,
Тополя;

Хлеб да соль давала пашня,
Небо — крох,
А баюкал шумный ветер
Из лугов;

Всё летал ко мне ночами
При луне,
В час, когда дремали хаты
В мирном сне;

В росы крылья, словно птица,
Окунал,
Алый мак и дикий куколь
Раздвигал;

Собирал с могил забытых
Плач и стон,
Отряхал с калин кораллы
Грудью он;

Ударял гремучей грудью
В чёрный бор,
По седьм дубам рождая
Грозный хор...

Скорбь, печаль сиротской доли,
Слёзы бед,
Как туман за ним стелились,
Плыли вслед, —

Этот ветер мои ветви
Целовал,
Для свирели их готовил,
Чаровал!

МУЗЫКАНТ

Мир открылся предо мною
Как синее диво,
В день, когда себе свирель я
Вырезал из ивы.

Приоткрылась предо мною
Та тёмная дверца,
Сквозь которую уходят
Печали из сердца.

Приоткрылись предо мною
Небесные зори. —
Увидал, как солнце всходит
Из пенного моря;

Увидал, как ночи сеют
Звезды при дороге.
На пропаханном луною
Синем перелоге;

Как на кроснах золотистых
Ткут радужный пояс
Облака, в лазури ясной
Под солнцем покоясь;

Как ветра летят, бодая
Рогами друг друга, —
Тинь вечерняя колени
Склоняет у луга...

Увидал, как новый месяц
Блистаёт красою,
Как его на небе моют
Ангелы росою;

Как мостят дорогу в небе
Песком золотистым
И по ней ступает зорька
В наряде лучистом;

Как в виссон цветы рядятся
В долинах и борах
И весна на свет их манит
Из тёмных каморок...

Увидал кипенье моря
За горой великой,

Крепи пущи непролазной
Со мхом, павиликой;

Степи синие с костями
У брошенных станов,
У рядов могил забытых,
Безмолвных курганов...

Стали очи мои словно
Соколы на воле:
Небо, землю — всё познал я,
Как ближнее поле...

Но и уши мои стали
Волчьими ушами: .
Речи мир завёл со мною
Родными словами...

Зашептал ручей, звенящий
Талою весною,
Тихо жаловались травы
Под сенью лесною,

Услыхал, как росы жемчуг
Нижут осторожно,
Небо шлёт благословенье
Крестам придорожным;

Пашня чёрная, рождая,
Исходит слезами,
В час, когда ржаные зёрна
Пробоятся ростками;

Строит жаворонок гусли
В небесном причале,
Соловей заводит речи
О любви, печали...

Услыхал, как дума бродит
И камень вздыхает,
Ночь уснувшим хатам песни
В тиши напевает,

Как осинка под дыханьем
Земли замирает...
Лишь не знаю, — как в свирели
Мой дух — мне играет!

* * *

... Тихо билось моё сердце,
Не живило грудь,
А теперь оно хотело б
Мчаться в синий путь...
А теперь оно хотело б
Мчаться в дальний край...
— Эй, играй, свирель, скорее,
Воли песнь играй!

И душа моя дремала
Долгим сном зерна, —
А теперь цветком раскрылась
На лугах она...
А теперь цветком раскрылась,
Словно ясный Май...
— Эй, играй, свирель, скорее.
Песнь надежд играй!

Необъятная скрывала
Мою долю тень,
А теперь её всю залил
Беззакатный день...
А теперь её всю залил
Эвон крылатых стай...
— Эй, играй, свирель, скорее,
Песню зорь играй!

I. НА СВИРЕЛИ

Как тебя мне взять, девица,
Как тебя мне взять,
Коль отец тебя из хаты
Мне не хочет дать?..

Ведь не птица я с крылами,
Ведь не птица я,
Чтоб лететь с тобой высоко
В синие края!

И ведь я не дух, подружка,
И ведь я не дух,
Чтоб с земли тебя мне сдунуть,
Как цветочный пух!

И ведь я не мгла над лугом,
И ведь я не мгла,
Чтоб укрыть тебя туманом
От сияния дня!

И не гроб я твой, девица
И не гроб я твой,
Чтоб вступить нам в подневольный
Вечный брак с тобой!..

*

Слёз мерцает нить на ивах,
Слёз мерцает нить...
О, когда ж ты, моё солнце,
Будешь мне светить?!

II. НА СВИРЕЛИ

Ах, к чему покров ваш, росы,
Холодный, —
Наг и бос сижу я в хате
Голодный!..

Разве мало плачем в поле
Мы сами,
Как та ночка, что исходит
Слезами?..

Ох, когда бы мог я в поле
Широком
Слёзы счастья, что льём мы в пашню
Потоком!
Страшно было бы в этом поле
Жать живо:
Каждый сноп кровавым стал бы
На диво!..

Выпьет солнце, вставши в небе
С рассветом,
Росы буйные над лугом
Согретым,
А чтоб слёз пролитых море
Обсохло,
Целый мир зажечь ты должен
О бог мой!..

ЛЕТАВИЦА¹

В хате душно, в хате жарко;
Ночь плывёт стезёй усталой...
Хлопец, глянь, как всё оконце
Серебром луна заткала!

Лунный сноп сквозь стёкла льётся,
На полу ковром ложится,

¹ Летавица — в польском фольклоре женский стихийный дух, напоминающий наших русалок, но не обязательно губящих тех, с кем он встречается.

И над ним, босая, пляшет
И смеётся Летавица.

Косы светлые змеятся,
И над ивовым веночком
Пляшет маленькое пламя
Бледным синим огонёчком...

Летавица льна не сеет,
Летавица прясть не станет,
Только ходит, словно лебедь,
В серебристо-белой ткани.

День-денской она в оврагах
Спит под пологом туманным,
В ночь — запляшет, засмеётся,
Расцветёт цветком желанным;

По росистым пляшет травам,
И, смеясь, сулит отраду.
И кружит над головою
Решето из звонких радуг..

«Веет с луга воздух вольный, —
Слышишь свежий запах сена?
Над серебряной росою
Улетим с тобой из плена!

За ольхою, за берёзой
Ты узнаёшь, кто теперь я, —
Дам тебе за тёмным бором
Золотые птичьи перья.

Вон за той горой высокой
Звезды дам тебе я с неба,
Обовьюсь за шумным морем
Вкруг тебя тоской и негой.

И когда мне в очи глянешь —
Полетишь, как вольный ветер,
Будешь сердцем пить свободу,
Позабудешь всё на свете...»

• • • • • • • •

Машут облачные крылья
Над луной, как крылья птицы,
А в луче, босая, пляшет
И смеётся Летавица...

В хате душно... В хате жарко...
Ночь плывёт стезёй усталой...
Хлопец, глянь, как всё оконце
Серебром луна заткала!

ОСЕНЬЮ

Серые стайки, серые стайки
Летят в огнях заката:
Быстрые крылья в солнечных зайках
Горят, как искры золата!..

За море мчатся тучкою в сини
К самому краю света,
Перья роняя над речкой синей,
Точно слова привета...»

— Пташки! Должно быть, вы не видали
Нашей белёной хаты,
Роз, что всё лето не отцветали
В садике возле мяты!

Деда, что режет из липы ложки
И, доставши без страха
Соты из улья, кладёт их в плошки, —
А соты — словно сахар!

Верно, не знали вы дикой груши,
Мелкой листвой шумящей,
Стаха, чьи песни так сладко слушать
С их печалью щемящей...

Верно, не шли вы в туманном утре
По росистой поляне,
Где по колено, как в перламутре,
Бродишь, куда ни глянешь...

Верно, не знали вы даже радуг
У панского фольварка.
Ах, все мы жосы связать бы рады
Лентой такой же яркой!

Ни той сосны, что растёт кривая
В наряде однобоком
И только, ветру тихо кивая,
Плачет смолистым соком...

Ни той запруды на речке чистой,
Шумящей, словно жёрнов,
Когда стекают с неё так быстро
Капли, как будто зёрна...

Ни того луга, где стог за стогом
Дремлёт, где старый-старый
Пастух поутру к росистым логам
Гонит овец отары...

Ни сизых дымов, что в поле стелет
Нам золотая осень,
Ни плясок наших под звон свирелей
У тех могучих сосен...

Ни той зари за горой покатой —
Она не опаздает! —
И так спешу я бежать из хаты,
Что мать меня ругает!

Ни мглы вечерней, где серп двурогий
Всходит такой прозрачный,
Что сердце бьётся в смутной тревоге
И я о чём-то плачу...

Ни того лаза в плетне у склона,
Где я воду носила,
И на меня там, как на икону,
Стах молился мой милый!..

Ни нашей церкви с вечерним звоном,
Льнувшим к вспаханным землям,
Ни той могилки, где под зелёным
Дёрном — отец мой дремлет...

Ни песни той, что звенит тоскою
При лучине у кросен,
Когда лучина пахнет смолою,
Тысячи искр разбросив...

Ни ночки той, что, расплетши косы,
Звезд венец одевает
И смотрит, много ль жемчужин росы
К нам во двор рассевают...

Ни тишины, что, сев у порога,
Палец к губам прижала,
Слушая вздохи молитвы к богу,
Радости, торя, жалоб...

А наш сверчок, что поёт нам с печки,
Чтоб спали мы без страха?
А сны о дружках, лазе у речки,
И... и о песнях Стаха!..

Так для чего ж вам теперь, пичужки,
На голод, холод, выюги
Мчаться куда-то из деревушки,
Самой лучшей в округе?!

СВАТОВСТВО

Нас не сватали у хаты
Ни отец, ни мать, ни сваты, —
Сватал жаворонок в поле
Утра майского раздолье,
Ключ, водой студёной полный,
Где коня пою я в полдень,
Сватал голубь нас крылатый,
Да тропинка перед хатой,
Да свирель у нашей нивы,
Да тростник, да эти ивы,
Эти вербы над лощиной:
— Поезжай же за дивчиной,
Ясько, гей!

Нас сосватали не кумы,
А лесов глухие шумы,
Да тоска, что злое зелье
По глубоким логам стелет,
Да росистый луг, где ночью
Вдаль плывут туманов клочья,
Зори тихие над лесом
В алом золоте небесном. —
Нынче-завтра, там за лугом,
Плуг на пашне, я за плугом,
Следом солнце в небе ясном...
— Слушай: девушка согласна,
Ясько, гей!

Нас не люди обручили,
Мёд за нас они не пили, —
Месяц высватал над лугом...
Обручила ночь друг с другом...
Ни соседи, ни соседки
Не ходили на разведки...
Только отзвук нежной речи
Приносил вечерний ветер,

Да в окошке том вставая,
Рос алмазы вышивая,
Ночь росой меня будила:
— Выходи скорее к милой,
Ясько, гей!

О И, ДÁНА!..

(Народная песнь)

...А когда сыграть придётся
Девице в поле — — — — —
— Ой, дáна!

Девице в поле,
Срежу я себе на дудку
Тростинку-стволик,
— Ой, дáна!
Тростинку-стволик...

И как та тростинка-стволик
По ветру гнётся,
Так и милому девица
В плен отдаётся!
Ей бы вставить надо солнце
В окошко хаты,
Поглядеть, не к ней ли едет
Жених богатый?..

А когда сыграть пришлось бы
В чужой светёлке,
— — — — —
— Ой, дана!

В чужой светёлке, — — —
Мне на дудочку пошёл бы
Шиповник колкий,
— — — — —
— Ой, дана!
Шиповник колкий...

Будет петь он в моём сердце
Горем-слезами,

Вдаль помчится отзук жалоб
Нивой, лесами...
Ходит кривда по оврагам,
По логам чёрным.
Не узнаешь, что рождают
Те злые зёрна...

А когда сыграть придётся
Перед панской сворой,
— Ой, дана!
Перед панской сворой
Я бы дудку себе срезал
Из чащи бора,
— Ой, дана!
Из чащи бора...

Помнят старые деревья
Ту злую долю,
Что прошла по этим хатам
По нивам, полю...
Разнесутся мои песни
Стоном и мукой,—
Почернеют хлеб и соты
От этих звуков...

А когда сыграть придётся
Для ночи дивной,
— Ой, дана!
Для ночи дивной,—
Мне пойдёт на дудку ветка
Плакучей ивы,
— Ой, дана!
Плакучей ивы...

Эх, и песенки помчатся,
Как птичек стая!
Встретит каждую приветом
Чаша густая...

...Нет ни поля, нет ни хаты, —
Нищий я конюх!
Только ночь к тем песням сердце
Тихонько клонит...

— Ой, дана!
— Ой, дана!

ЖУРАВЛИ

В золотой заре туманной
Журавли курлычат, —
Над широким, тихим полем
На прощанье кличут:

— Ты прощай, пустое поле,
Чёрный пашни взгорье,
Мы курлычем, улетаем
За синее море!

Мы курлычем, улетаем
По вольным дорогам,
Нас кормить уже не будешь
Ты пшеничным стогом...

Нас поить уже не будут
Текущие воды,
Не трубить уже зарю нам
Ясному восходу...

Не трубить уже зарю нам,
Не плескать крылами,
Не шуметь могучим перьям
Над нивой, лугами...

Не шуметь могучим перьям
Хоругвями в сини,

Не умчать твоих нам песен
К лазурной пустыне...

Ой ты, поле, в тумбе осенней,
Ты, пашня пустая,
Жди нас в день, когда заблещет
Снова солнце мая!

Поджирай нас до заката
В родимые страны
В день, когда запахнут травы
И озими встанут!

Поджирай нас от заката
Тихими утрами
В день, когда заголубеет
Весна над лугами!

Мы с дороги не съёмся
И над морем синим:
Лишь по пёрышку мы бросим
Шумящей пучине!

Мы с дороги не съёмся, —
Лишь лететь к тебе бы:
По заре мы путь узнаем,
По бледному небу!

По заре мы путь узнаем,
По алмазным травам,
По головкам твоих деток,
Льняным и кудрявым!..

...И летят, летят, курлычат...
Как тут не взгрустнуться?
— Не грусти, пустое поле:
По весне вернутся!

VI. ЛЮТНЯ СЕРДЦА

ТИШИНА

Тихо...

А все что-то шепчет, вздыхает,
Какой-то шелест и звон надо мною,
Жалоба чья-то растёт и стихает,
Дикая роза росою рыдает,
И бьётся сердце земное...

Тихо...

Но кто-то зовёт меня снова,
Как эхо песни чудесной и вёщей,
И кто-то в слух мой беззвучное слово
Опять влагает: в нём и долг суровый,
И скорбь бытия трепещет...

Тихо...

Но слышу — словно рокот моря...
Иль нет: то звоны... то деревьев ветви
Шумят по чащам... или реки горя?
Или восходят дней грядущих зори?
Идут в могилу столетья?

Тихо...

Откуда ж этот странный шорох?
Труба ль о близкой мне пророчит буре?
Червь ли жестокий точит сердце бора?

Джагернаута ль колесница в горы
Мчится в дыму и лазури?

Тихо...

Как тяжко ловить тишины той
Зловещий голос тому, кто умеет
Внимать душою, как в ней хаос скрытый
Шумит и стонет и, всюду разлитый,
Творит богов и пигмеев
И вновь незримой рукою стирает
Свои же скорби, свои же творенья...

Тихо...

Шуршанье берёз замирает,
Очи раскрыла звезда — и сырая
Полночь проходит виденьем...

В ГЛУХОМ БОРУ

В сумрак бора —
Багряным дымом злата
Бросил взоры
Прощальный луч заката.
И, одеты
Огнём вечерним, ели
Песню света
В последний раз запели.

Вновь мой голос
Слился с их мерным шумом,
Снова полон
Весь бор глубокой думой, —
И не знает
Ночь, пряха звездных хоров,
Кто алкает:
Я или сердце бора...

ПО ЖЁСТКИМ ДОРОГАМ

По жёсткой, злой дороге,
И босой и убогий,
По холодному полю
Иду сквозь жизни ночь...

И лишь одна на свете
Заря мой путь осветит,
Укрепит мою мощь:
То свет отважной воли, —
Он в сердце стойком дышит,
Он звезд и солнца выше!

Но не эти светила зажгут его в высях, —
Я сам его должен высечь:
Ударять сталью духа о явь этой жизни,
Пока огненных искр сноп из сердца не брызнет!..

А ВОЛНЫ ПЛАЧУТ

Исчезли в прядях пелены
Две чайки — две бродячих,
Что бились грудью в синь волны,
Тревогой тайною полны...
А волны плачут...

Закинув ум средь глубины,
Влеку, как сеть рыбачью,
Его по дну; занесены
Глубины щебнем... ранят сны...
А волны плачут...

Плыву под сенью тишины,
Что крики чаек значит?
Ищу дорог родной страны —

Зачем? Кому мы там нужны?
А волны плачут...

Ни боль, ни беды не страшны...
Вон — чуждый брег маячит...
Сквозь дымку серой пелены
Плыту под тихий плеск волны,
А волны плачут...
Плачут...

ЕСЛИ ТЫ ЛЮБИШЬ

Если ты любишь, не зови с собою, —
Лежит меж нами глубокая пропасть,
Чьи тени делят нас горькой тоскою
Навеки!

Напрасно смотришь ты взором печальным,
Напрасно тянешь ты милые руки, —
Ты на земле для мёня будешь дальним
Навеки!

Пускай лишь месяц дорогою света
Нам души свяжет в голубом сияньи,
Целуя небо цветущего лета
И воды,

Да шелест леса, да ласка молчанья,
Да страсть и нега соловьиной песни,
Порывы вечно благого желанья
Природы...

Нет, мы с тобою изберём иное,
Без слов, без жалоб, как бледные тени...
И боль лишь скажет своей тишиною
О главном...

Что страсть? Ты знаешь: самозабвенья,
Восторга дух твой и жизнь не простят нам, —
И нам ли годы влачить в пресыщеныи
Бесславном?

Мы — не сойдёмся... Пусть смерть своей властью
В гробу остынет наших уст пыланье...
Меня иное призывает счастье
И манит:

Не плен восторгов и томлений страстных —
Дай сердцу вспыхнуть в тишине беззвучной
У алтаря всех навеки напрасных
Желаний...

Увы, не те мы, кто может цветами
Засыпать пропасть, делящую судьбы,
Хоть страсть весь царский свой пурпур пред нами
Раскинет...

Я знаю; если назовёшь ты в вёщей
Тиши то имя, что жжёт твои губы, —
Душа услышит, душа затрепещет —
И сгинет!

И всё, что крепло в тоскующей груди
Как сил источник, ее лишь ослабит;
Что было б светом, то жалобой будет
Ночью...

Смотри: та пропасть бездонней могилы...
Душа стремится к тебе и тоскует...
О, если любишь, не зови, мой милый,
С собою!..

ЛЮБИМОМУ

Дам тебе звезды, что в тихом мерцанье
Глядят нам в очи,
И свежесть луга и благоуханье
Полей и ночи...
Дам тебе шелест, бегущий по лозам,
И шепот в травах,
И белизну, что овеяла розам
Головки славой...
Дам тебе чашу с росою кипящей,
Всю из опала,
И вешний сумрак, ключами звенящий
Над пашней талой...
Дам тебе кубок скорбей и усталость
Тропы тернистой,
И душу дам я тебе, что осталась
Такой же чистой!

НОКТЮРН

Грущу о ночи, о тьме серебристой,
Кроющей лёгкой своёй пеленою
Мой взор горячий под дрёмою мглистой...

Грущу о, ночи, и кляну дневное
Солнце, что нашей разлуки оковы
Бесстрастной явью зажгло предо мною...

Я знаю: тщетно всё снова и снова
Сон будет тайно шептать твоё имя,
Качая душу, как память былого...

Я знаю: розно, путями иными
В жизнь мы идём и не встретятся снова
Такие души тропами своими...

Я знаю: это лишь сон, — и суровый
День беспощаден для призраков милых,
И мы до смерти провлачим оковы...

А там — забвенье в далёких могилах...

НЕВЕДОМОЕ

День, усталый, как путник на тропе безвестной,
Сам себя укрываешь ты под сень завесы!
Расскажи мне, куда ты миллионы гонишь
И куда вслед за ними я несусь в погоне?..

Рвусь лететь — нехватает мне в груди дыханья,
Нет мгновенья для счастья, полноты познанья,
Увлекает слепая, огромная сила, —
Слышу: это торопит и зовёт могила...

Исчезаю; теряю — память, облик, имя...
Что вчера было мною, то взято другими...
Нежность, дружба и злоба — всё, чем жизнь
обильна,
Сразу сдунуто с сердца, как огонь светильни...

Где я?.. В росах ли светлых на лугу широком
Меня высмотрит солнце своим знойным оком,
Чтоб испить мою душу из чашечки розы,
Как слезу непогоды, как людские слёзы?..

Где я?.. Ветер разносит мои сны с туманом
По пустынному бору, по лесным полянам.
Жар груди моей в сердце вступает земное,
А тоска моя плачет — с тишиной ночною...

В ЯВОРКАХ¹

— Эй вы, горы, тучи-горы!
Синий край заклятья!..
Как орлица, их просторы
Хочу облетать я.

Вместе с ласточкой в ложбине
Серебристой мыться,
Плавать с эхом по стремнице
И с серной носиться!

Мне бы замок укреплённый,
Как Друбажка¹, шумный,
Стоса¹ сонного загоны,
Литэнбара¹ гумна!

Рвать цветы бы у Подскала¹,
Папоротник — в Гране¹,
На Прегибе¹ — слёз опалы
Сбирать в сонной рани...

Полечу туда с орлами,
Не вернусь в низины,
Над туманом, пропастями
Мосты перекину!

В мхах нехоженых заблещет
След мой серебристый, —
Выйду там, где всё трепещет
Зарёю лучистой.

Там в скалу поток кипящий
Бьётся в буйной ласке,
Каждый камешек звенящий
Нашепчет мне сказки...

¹ Названия местечек в Татрских горах (Карпаты).

Там над синью кругозора —
Облаков кудели,
Горных эхо слышны хоры,
Колышутся ели...

В пропасть там пошлю земное
Горе, мысль — высотам;
С облаками в звонком зное
Помчусь вольным лётом...

— Горы! Дайте рог пастуший —
Песней край ваш славить,
И тоскующую душу
Навек вам оставить!

МАЙСКОЕ ЭХО

На ветвях этой вербы
Я б хотела качаться.
Птицей лёгкой и серой
Сквозь туманы промчаться...
Я б сменяться нарядом
С незабудкой хотела
Иль с цветущею рядом
Гречей розово-белой...

Мне хотелось бы в чаще,
Ставши лёгкой, как ветер,
Над струёю журчащей
Танцевать в белом свете.
Паутины росистой
Нити прядь над поляной,
Крася радугой чистой
Или зорькой багряной...

Речка плещет, синея
Торопливой струёю;
Ах, хотела бы с нею
Слитъ дыханье моё я,

Услыхать, как, чаруя
Быстрым шелестом крови,
Сердце мчит её струи,
Рябью лёгкою края...

Как берёза, тоскуя,
Руки гибкие веток
К молодому серпу я
Протянула б приветом, —
Или, хмеля лозою
Тёплый ствол обнимая,
Поникая главою,
Помечтала б о мае...

Вон — пчела прожужжала...
Овод вьётся, хлопочет...
Маков жёлтых и алых
Раскрываются очи...
О судьба всеблагая,
Дай мне лёт мотыльковый!
Облетела б луга я
И вернулась бы снова!..

С молодою травою
В свежих росах омылась,
Ввечеру головою
В мягкий вереск склонилась, —
И в венок благовонный
Блески, шелесты, краски,
Перед дрёмою сонной
Заплела бы, как в сказке...

ГДЕ МОИ ДОМ?

Так где ж мой дом?.. Не там ли он, где строят
Мне грёзы мир, покорный песен чарам,
Где сердце сны волшебные покоят,
Звенищий ключ поит меня нектаром?

Иль там, где подвиг, взяв весы столетий
Стальной рукой и факел зорь зажжёный,
Навстречу дню огнистым взором светит
И в ночь подъемлет меч свой обнажённый?

Так где ж мой дом?.. Не там ли, где от жалоб
Дрожит простор, печалью воздух полня,
Блестит слезою чаша розы алой,
И звезд в ночи и солнца мало в полдне?
Иль там, где мир всегда залит страданьем,
Где жизнь, и труд, и битвы шум нестройный
Слились в одно призывное стенанье
И сон тревожат мукой беспокойной?

Иль там мой дом, где вечных истин троны
В величию тихом, в белом облаченьи,
Царят без скипетра и без короны,
Миром даря силы и движенья?
Иль там мой дом, где родники науки
В умах людей текут живым потоком,
Где победитель солнца гибнет в муке
У новых царств, у новых стран востока?

Так где ж мой дом?.. Средь тех, что побороли
Зверей в себе трудом самосозданья,
Иль там, где сердце всё дрожит от боли
Перед минутным натиском страданья?
Иль там, где страсть, объятья раскрывая,
Чарует нас шумящих волн блистанием
И, под дыханьем бурным затмевая
Всей жизни боль, кипит, растёт желаньем?..

Но нет — скорей он там, где духов стая,
Как голуби, сверкает белизною,
Где крепнет мысль, от дрёмы пробуждаясь,
И крепко спит желание земное...
Исчезнет птица в голубом эфире,

Ладья растает под лазурной сенью, —
Ах, неужели ж вечно в этом мире
Блуждать я буду беспокойной тенью?

Где истина, что, покорив всецело,
Причалом станет всех трудов и рвений?
Ах, где та цель, что стоит жизни целой,
Стремлений, битв и всех её мгновений?
В любимом деле — сердце человека,
Круг замкнутый тревог, забот желанья, —
И только я — от века и до века
Ищу везде свой дом и достоянье!..

Стремлюсь вперёд, бреду сквозь жизни вынужу —
И чуждый мир не дальше и не ближе...
Ах, где ж рука заботливого друга,
Где милый голос, шепчущий: «Приди же!»
Где голову склоню, в каком покое
Сложу тоску, несомую с трудом?
Где достоянье, где гнездо родное?
Где, где мой дом?!

VII. ПАН БАЛЬЦЕР В БРАЗИЛИИ

(Отрывки из поэмы)

ИЗ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ

В море.—Первые впечатления.—Буря.—Смерть детей.—Акулы.—Дельфины.—Утро.—Берег.—Молитва.

Итак, покончив, наконец, с посадкой,
Довольный тем, что в дальнейшей дороге
Помех не будет, — на палубе гладкой

Я встал, покрепче утвердивши ноги.

1) Большое судно с глубокой осадкой,
Не внемля нашей возне и тревоге,
Едва качалось на длинном причале,
Хоть вздохи ветра заметно крепчали...

Уж сотни лодок всех в мире обличий,
Сновавших между землёю и нами,

Как стаи чаек, когда за добычей

Они скользят над морскими волнами,

2) Назад умчались... Чтя морской обычай,
Грохнула пушка на борту — но пламя
И гулкий грохот растаяли в море,
Не отзававшись в лазурном просторе.

Это сигнал был, что мы в путь поплыли:

Справа и слева за лопастью лопасть

Вспенила воду, как плоские крылья

3) Ветряных мельниц; дым, густой, как копоть,
5) Начал клубиться, точно дверь открыли

В чортову кузню, — и корабль наш в пропасть
Поплыл со скрипом, весь полный народу,
Как рак клешнями, рассекая воду...

За ним, как будто по вспаханной плугом
Родимой пашне, борозда тянулась.
Барашки волн по бокам друг за другом
Огнём мерцали — уж солнце коснулось
⁴ Морской пучины расплавленным кругом;
⁽⁶⁾ И следом — там, где заря расплеснулась —
Тащилась тенью в багряном закате
Чёрная лодка на длинном канате.

Под крик команды, в суматохе, в гаме,
Люди на судне становились грубы
И хитры, — словно валежник, ногами
Их мяла стража, — не отскочишь — в зубы!
⁵ Не так послушно в своём балагане
Пляшет медведь под барабан и трубы,
Как здесь судовой команде послужен
Стал каждый — в море не то, что на суше...
• • • • • • • • • • • • • • • • • •

Уж ночь спускалась... А мы, над пучиной
Склонив колени и вытянув руки,
Все ещё жались, как клин журавлиный
Перед отлётом, готовый к разлуке,
⁶ Когда не знает журавль ни единий,
Вернётся ль снова, иль ждут его муки,
И бьёт в тревоге по ветру крылами,
Прощаясь кликом с родными полями...
• • • • • • • • • • • •

Но трёх команды и звон колокольный
Дал знать, что все по местам расходились.
С колен поднявшись, толпой подневольной,
Как в муравейник, мы в трюм опустились:
⁷ Давя друг друга невольно и вольно,
⁽²³⁾ Жёсткие койки занять торопились,

Бросаясь к каждой по-двоем, по-трое, —
И редкий койку получил без боя...

А ночью буря внезапно завыла,
Поднялись волны кругом, точно стены,
Стал ветер бить нас, налетая с тыла,
8) И вал за валом кидал нас, и пена,
(70) Как ливень, доски на палубе мыла...
Летели брызги, кровь стыла по венам,
Одних знобило, другие дрожали,
Бабы в жару и в поту чуть дышали...

Ах, что тут скажешь! Ведь суша есть суша,
А море — море... Их мешать негоже!
Свои у них и причуды и души, —
9) И ты, бедняга, спасайся, как можешь!
(71) Стонали люди так, что тяжко слушать...
Как ветвь сырая с зеленою кожей
В печурке стонет... Но до жалоб этих
Не было дела никому на свете!

Ведь тут, на море, как на поле боя:
Кто уцелеет, а кому и крышка...
Ну, стисни зубы и борись с судьбою,
10) Может, и вырвешь у ней передышку...
(72) Да, хлопам плохо, а уж вдвое, втрое —
Больным, да бабам и их ребятишкам, —
Так что, хоть сам я и струсил вначале,
Но горше было мне от их печалей...

Всё чрево судна стало сущим адом,
Полным до края народа, — там жгучий
Воздух казался отравленным ядом,
Там люди бились, как будто в падучей...
11) Не так роятся муравьи под взглядом
Знойного солнца в повреждённой куче,
Как люди бились в этом плотном пекле, —
Уж кто-то ладил бичеву для петли,

А кто-то мчался топиться сейчас же,
Хоть этот выход всегда под рукою...
Такого хлопа как увидит стражи —
И под насос!.. Так обдаст из брандсбоя,
12 Таких насадит тумаков, что даже
(74) В глазах темнеет, — и ног под собою
Не чуя, живо наутёк пускаясь,
Бежит он к трюму, как пёс отряхаясь.
• • • • •

Так шли над нами и дни и недели,
А участь наша ни в чём не менялась.
Всё чаще тяжким недугом болели
Ребята: кровь в них сперва разгоралась
13 От огневицы, но скоро синели
(100) Слабые тельца и — такая жалость! —
Склонив смиренно головки под косы,
Гибли, как цветик во время покоса...

На судне с ними не возились много:
Ещё, бывало, не остынут слёзки,
Как уж матрос их собирает в дорогу:
14 Свяжет верёвкой — и наверх, на доски...
(101) Коль есть кто рядом — помолится богу,
Потом — булых!.. и высокие всплески
Волны зелёной... О боже, как души
Ты их отыщешь далёко от суши?!

И часто море, почуяв добычу,
Вскипало пеной и словно густело,
И вслед за нею устремлялось, тыча
Голодной пастью упавшее тело,
15 Как волк, глотая... В нём разных обличий
(103) Морских чудовищ чешуя блестела,
И часто волны со страшною силой
Хребтом акула, как пилой, пилила...
• • • • •

Однажды утро жемчужное встало,
И в прядь туманов, что стелились, тая,
Упал из щели золотисто-алый
Луч солнца — словно зеркала, блестая.

¹⁶
(243) Вздохнуло море, и в нём заиграла
Больших дельфинов весёлая стая:
То верный признак хорошей погоды,
Когда их много несут эти воды!

Зверь этот круглый, точно ствол еловый,
Без чешуи, хоть и рыбой зовётся;
Вертлявый, быстрый и большеголовый,
Хвостом бьёт воду, резвится, несётся
¹⁷
(244) За каждым судном, прельщённый уловом
Лёгкой добычи, — и каждый смеётся,
Глядя, как носом пускает он струи,
Точно стеклянный фонтан образуя!

Но вот и берег возник перед нами
И был, казалось, совсем неприступный:
Большие горы, своими зубцами
Чернея в небе, уступ за уступом
¹⁸
(252) К самому морю сходили грядами,
Порт образуя, для бурь не доступный.
Тут наше судно повернуло носом
Вправо, к двум самым высоким утёсам.

И мы у двери желанного края,
В молчанье долго следили глазами,
Как, в знойном солнце цветами играя,
Взвилось на мачте бразильское знамя:
¹⁹
(257) В поле, зелёном от края до края,
Пересечённом горящей, как пламя,
Золототканной чертой в середине,
Знак мореходный — шар лазурно-синий.

Народ, как волны, гомоня, вздыхая,
Вправо и влево устремился к борту,
Как вдруг старушка, словно лунь седая,
В холстине ветхой, нищетой истёртой,
20 Вся, как терновник колючий, сухая,
(266) Слабые руки протянула к порту
И, глядя вверх на лазурное лоно,
Взмолилась, просьбы мешая и стоны:

«Привет тебе, о заря золотая!
Выслушай сирых, пресветлая Панна!
Шли мы сюда, как изгнанников стая,
И слёз и горя нас питала манна...
21 Под липой хата осталась пустая,
(267) Под ликом Девы — скамья, и в чуланах
Тот лён, что спрятать мы ёщё не успели...
Нас ветры гнали, валы свирепели...

Детишки наши погибли в дороге,
Стерёг нас голод, мы шли, как в пустыне,
И часто сами подгибались ноги
И кости ныли на жёсткой чужбине;
22 Беда по свету гнала нас... Тревоги
(268) Летели следом... Прими же нас ныне,
Как мать родная! Дай от долгой муки
Желанный отдых!..» — И сухие руки

Она скрестила — и молящим взглядом
Стремилась к солнцу в безоблачной сини,
А слёзы жгучим мучительным ядом
23 Текли по скулам, по старой холстине...
(269) «Дай отдых!» — тихо вздохнул ряд за рядом, —
Но тут, как зверя свора псов в лощине,
Нас окружили все лодки и барки
И знойный воздух, голубой и паркий...
• • • • •

Земля под нами! Мы теснимся куда-то,
Нетверды ноги, — все как будто пьяны.

Глядим сквозь слёзы на чужие хаты,
На мир чужой...

²⁴
(273) Вдруг гремят барабаны,
Всех окружают внезапно солдаты.
«Ратуйте!» — бабы вопят. Наши пάны
Глядят, дивятся, а тоже струхнули...
«Марш!» — крикнул взводный — и штыки
сверкнули...

ИЗ ГЛАВЫ ВТОРОЙ

Рассказ толмача. — Встреча. — Рассказ баб. — Собрание. — Споры. — Решение комиссии.

«Бразилия, — начал толмач, — к востоку
Страна морская, на запад — речная:
Там Амазонка несётся потоком
К морю, границы земли охраняя;
²⁵
(314) Стекая с горной, как небо высокой
Гряды, ни бродов, ни мостов не зная,
Она, как пушка, падает водопадом, —
Что наша Висла — ручеёк с ней
рядом!

Горы зовутся здесь «сьерры» — их много,
И к слову «сьерра» приставляют имя.
Климат тяжёлый: по болотам, логам
Солнце так сильно лучами своими
²⁶
(316) Месиво греет, что воды не могут
В нём удержаться, — слоями густыми
Земля твердеет бугристою пашней,
Честное слово, как сыр простоквашный!

Народ здесь чёрный, на нас не похожий.
Каждое племя по своим законам
Живёт отдельно, как хочет и может;

Из них светлее других — квартероны,
27 Темнее — терцы, а мулаты — кожей
(318) Всего чернее. Как овц в загонах,
Когда их моют, подобрав по масти, —
Так этих делят бразильские власти.

Край состоит из провинций, вернее —
«Штатов», — их много, и они большие.
В лучших осели немцы. Мы позднее
Пришли — полякам отвели другие.
28 Есть тут законы, но всего сильнее
(319) Кулачный... Что же, места здесь глухие,
И мне сдаётся, что, пожалуй, это
Не так уж плохо для Нового Света!

Зато страна и щедра и богата:
Тут есть и горы, и леса, и руды;
Как только почву ковырнёт лопата,
Зерно приносит золотые груды.
29 Здесь в запустеньи, долгим сном объята,
(320) Ждёт человека земля — словно чуда
Хворый — и встанет, как только заслышил,
Что жизнь и труд на полях её дышат...»

Вдруг — крики, вопли!.. Смотрю на дорогу,
Глаза от солнца заслонив рукою:
А к нам навстречу тропою отлогой
Бабы и дети спускаются, воя...
30 (321) Мешки и скарб свой волоча убогий,
Изнурены от палящего зноя,
Полуслепые, с больными ногами,
Детишек тащат, исходя слезами.

Ну! Это наши! Я у края света
И то узнал бы их одежды, лица,
Хоть клочья свиток, в которых одеты
Были тела их, подобно тряпицам
31 (322) Болтались белым, — как у зайца летом
Мех в пору линьки... Тут вся вереница

Загомонила:

«Отцы пресвятые!
Стойте же, стойте!! Иисус-Мария!!!

Куда вы? Чтобы вас громом пришибло!
Нечистый, что ли, вас гонит по свету
За гробом? Ад здесь! Ад проклятый, гибкий!
Антихрист, верно, сделал землю эту!

³² (323) Коль не хотите, чтобы всё погибло,
Домой сейчас же! А дороги нету —
Червями в землю!.. Не для человека
Эта страна! Прочь, коль ты не калека!..»

³³ (324) Кричат и плачут... Рыданья, проклятья
Сыплются вместе, словно дождик с градом
В мартовской выноге, — ребята всей ратью
Пищат и воют с матерями рядом...
Толмач сначала хотел миновать их,
Но — «Встать!» — сказали мы, перед отрядом
Выбежав, в расплюю вступая с ослами:
Те — в рёв, а мы их — по лбам кулаками!

Встали. Да, впрочем, разойтись нам было
И негде: тропка вилась крутизною:
Толмач всё думал, — не больно спешил он, —
Мул под ним бился от слепней и зноя...
³⁴ (325) Я — прямо к бабам, кричу что есть силы,
Увидев всё их родное обличье:
«Во имя божье! Откуда вы, часом!» —
«Аминь, вовеки! Из Минесджераса!..»

«А это что же за дьявол?»

Тут бабы:
«Такое место, там копают руды!» —
«А кто ж привёз вас?» —
«Да кто, как не швабы!»

³⁵ Вертелся рыжий у нас, как Иуда,
⁽³²⁶⁾ Пока не вывез половину Грабов!..» —
«Так вы из Грабов?» —

«Из Грабинской Буды,
Только давно, а теперь нас, злосчастных,
Водят работать на лесных участках!..»

«Ну, дальше!» —

«Дальше — все сгниём в могиле!»

И бабы снова залились слезами.

«Могил за нами — на целые мили,
Так след и вьётся — уж хоть бы с крестами!..

³⁶ ⁽³²⁷⁾ Писать хотели — просили, просили,
Да разве станет кто возиться с нами?
На слёзы только и хватает силы!..» —
«А хлопы где же?» —

«Рудой завалило!..

Пришёл приказ от комиссии, где-то
В Рио сидевшей, чтоб нам штат избрали.
Уселись хлопы на лавках — до света

³⁷ ⁽⁴⁹⁹⁾ Гадать, что делать? Туда ли, сюда ли
Теперь податься, чьи слушать советы?..
Мир незнакомый: все дороги в дали
Равно уводят... Что ни шаг, то глуше,
А неизвестность угнетает души...

Судим мы, рядим.. А толмач, который
Вчера приехал, разметил на карте
³⁸ ⁽⁵⁰¹⁾ Штаты, чтоб легче нам было без спора
Решать, что выбрать для какой из партий.
Ну, шуму много, а дело не споро
Идёт у «рады», — словно пена в кварте
Старого пива: кипит и клокочет,
А станешь пить, так усов не замочит!..

Стучит по лавке комиссар — не слышат...
Толмач от крика вконец охрипает...
Совсем как в чаще, когда буря дышит
39 (531) И свищет ветер и сучья сгибаёт, —
И бор сосновый стволами колышет
В гневе и шуме стихий — и смолкает
Филин на ветке под могучим дубом,
И дятел тщетно барабанит клювом...
• • • • •

Молча дивятся комиссары буре,
Слушают, смотрят... Кто треплет бородку,
Кто чистит ногти или трубку курит...
Вдруг бросил карту толмач на серёдку
40 (534) И крикнул: «Люди! Что вы — спьяна? С дури?!
Занёс нечистый на овечью сходку!
Глядите! — вы как горох перезрелый
На полушиары рассыпались целом!»

Замолкли хлопы, развесили губы,
Ждут, что он скажет, — даже дышат часто...
А тот, с начальством о чём-то сквозь зубы
41 (535) Перешепнувшись, заявил нам: «Баста!
Кто посильнее, пойдёт в дроворубы,
Там отведут вам удобный участок;
Слабых возьмут для кофейных плантаций,
И больше вам не придётся скитаться!»

ИЗ ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ

*Лес. — Ночные страхи. —
Слухи.*

Наполовину в сыром перегное,
Наполовину по крутому гребню
Тянется чаща... Там плотной стеной
Растут деревья до самого неба,

42 И пятна света над зелёной тьмою
(566) Бросают ветви, тихонько колеблясь;
Там, словно в бане, и парко и душно,
И мускус льётся волною воздушной...

Там над болотом из влажной трясины
Вверх, словно трубы, растут вереницы
Хвоющей гигантских, пузыри над тиной,
43 (567) Лопаясь, тают, и стрекочут птицы...
Заглянешь в чащу — там узел змеиный
Пасть раскрывает, шипит и клубится,
И грозди алых цветов, расцветая,
Дрожат в болоте, как бабочек стая...
• • • • •

Там все деревья заплетают сетью
Лианы, полог сплошной образуя;
Одни, как гады, лезут толстой плетью
(570) Наверх; другие стекают, как струи;
Тот лист — как перья, а тот — как веретья...
И гибнут, соки лианам даря,
Сучья и ветви под петлею каждой,
Полной и мощью и жизненной жаждой.
• • • • •

А к ночи страхи нападают... Чаша
До дна людскому не доступна глазу...
Там — слышен голос, в темноте рычащий,
45 (597) Тут — пасть зевает так, что стынет разум...
То смерть сдвигает свой засов хрипящий!
Ведь здесь, как в море, погибаешь сразу...
И, внемля чудищ неведомых голос,
Чувствуешь: дыбом становится волос...

И видишь, слышишь, как в чёрных колодцах
Стволов древесных слабый свет мигает, —
Как кто-то стонет, пытаясь бороться,
Как смерть из плотских оков исторгает
(598) Слепую душу... Невольно вернётся

Такою ночью тот страх, что пугает
Нас только в детстве, когда ложкой кашной
На бор ты кажешь и шепчешь: «Он —
страшный!»

Ходили слухи, что в каком-то штате
Завёл люд польский свои поселенья,
Что хлопы ходят там в краковском платьи,
А ездят в бричках... Что есть у селенья
⁴⁷ (646) Корчма, костёл... Что наладили братья
Порядок в избах... Что есть там правленье,
Писарь и войт, как в стране настоящей...
Вот это лучше, чем дикая чаща!

И сколько раз мы, в тиши цепенея,
Ждали, не шлёт ли нам весточки звонкой
Оттуда ветер, над пущею звя, —
⁴⁸ (647) Скрипом телеги или ржаньем конским...
И тот и этот шептали, бледнея:
«Я что-то слышу! Словно в той сторонке!»
И все мы жадно обращали ухо
К враждебной чаще, шелестевшей глухо...

ИЗ ГЛАВЫ ПЯТОЙ *Письмо на родину*

«Пишу я к вам и в заботах, и в горе,
Родители вы мои дорогие,
Хоть мне в отчизну огромное море
⁴⁹ (1156) Путь преграждает и горы нагие,
И лес зловещий и непроходимый
Встал между мною и хатой родимой...»

Как часто взгляд мой стремится сквозь горы
Вечером, утром — в родную сторонку,
Где жито с просом ведёт разговоры,

⁵⁰
(1159) Где луг сверкает под косою звонкой...
И в путь умчаться хочу я как птица
И с вихрем быстрым над Польшей носиться...

⁵³
(1167) Всегда я вижу, совсем как живую,
В снопах соломы родимую крышу,
Конёк высокий, заструху кривую,—
И в сердце думу глубокую слышу...
Но долго строчки не дойдут к вам эти,
Так много моря и земли на свете...

Плетень я вижу из плакучей ивы,
Журавль, колодец, усадьбу и поле,
И нет мне места — так горько, тоскливо...
Есть неохота... Умереть бы, что ли!..
За океаном душа моя слышит,
Как мята пахнет и как вереск дышит...

• • • • •
Теперь прощайте!.. Поясным поклоном,
Отец и мать, я вам кланяюсь низко...
Когда же ветер в вашей печке стоном
Застонет, в пепле раздувая искры,
Иль дверца скрипнет молчаливой ночью, —
Мать! Это дух мой к вам пришёл воочью!..»

ПРИМЕЧАНИЕ

Перевод стихотворений Марии Конопницкой выполнен по восьмитомному изданию Яна Чубека (Краков, 1916 год).

Невозможность в сокращенном издании более или менее полно представить каждый из многочисленных отделов подлинника заставила переводчика объединить в некоторых случаях стихотворения разных периодов и разных отделов в циклы, руководствуясь исключительно тематикой. Для удобства читателя каждому из этих циклов дан подзаголовок, причём названия подзаголовков, естественно, не совпадают с названиями отделов подлинника, кстати сказать, имеющих в различных изданиях различные наименования.

Значительно сложнее обстояло дело с поэмой «Пан Бальцер в Бразилии». Желание дать читателю хотя бы общее представление об этом произведении, пользуясь широкой популярностью на родине, вынудило пойти по линии своеобразного «монтажа». Конечно, при переводе четырёхсот четырнадцати строк из одиннадцати тысяч трехсот строк подлинника оказалась неизбежной утрата ряда существеннейших моментов: отдельных действующих лиц, характеристик, перипетий и скитаний и т. д. По этим же причинам перевод отрывков сделан местами несколько менее дословно, чем перевод отдельных стихотворений, — приходилось прибегать кое-где к усилению характеристик и интонационным сгущениям, привлекая их из общей ткани всего произведения. Но целость октав и ритмическая их структура переводчиком не нарушалась, тональность же поэмы он пытался передать полностью.

Все произведения Марии Конопницкой переведены размежеваны подлинника — с максимальным сохранением структуры и особенностей польского силлабического стиха, системы рифм, сквозной цезуры и пр. Лишь в стихотворе-

ниях, написанных в подлиннике почти чистой, а в отдельных случаях и чистой силлабо-тоникой, переводчик, давая также силлабо-тонику, не стремился выдерживать сквозную цезуру полностью во избежание слишком назойливого распадения стиха на два полустишия, тем более что и в подлиннике имеется ряд соответствующих цезурных нарушений.

Систематическое отступление от ритмики подлинника допущено в трёх случаях: 1) в стихотворении «Wolny pajmista», где рефрен «wolny pajmista» допускает только один точный перевод: «вольный батрак»; желая сохранить образ, переводчик заменяет женское окончание мужским, введя, таким образом, во второй и четвёртой строках мужские рифмы; 2) в стихотворении «Юнгфрау», где рефренная пятая строка каждого пястишия ритмически совершенно не приемлема для русского языка, что вызвало необходимость прибавления слога в каждом повторе; 3) в стихотворении «Свирель», где по аналогичным мотивам ритмика несколько руссифицирована.

Москва, 10 мая 1942 года

А. КОВАЛЕНСКИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ог издательства	<i>Стр</i>
	3

ПОЛЬШЕ

Пристга	5
Слётце	6
Бивза пры Грюнвальде	7
Наше серебро, наше з'яло	9
Варшаве	11
Песни, «п'яских соколов»	12
Непрощажи'e	14
Лилии цветы	16
Наш с'яр	17
На с'юбоду	18
Бра'ям чехам	19

II. ПЕСНИ ПЕЧАЛИ

П'я утрам шумиг дубрава	22
На р'ячине	23
В'ял ны і б'яграк	24
М'я п'яенка	26
Дубрава	27
Д'яра	27
К'р'я и С'ях	28
Ой, но'ка...	29
Висла	30
Вернігэ мнэ...	30
Д'я	31
«Adesso parla»	31

III. ДУМЫ

Славно олень...	33
У старой плотины	34
Экспресс	35
Барка	38
Поэту	40
На вершинах	41
Конец века	43
О мир мой!	46
Встань, дитя!	47

IV. НА ЧУЖБИНЕ

1. Сонеты

Мод в Генуе	49
Фиумичино	49
Капри	50
Коголетто	51
Gran Scoglio	51
Porto Vecchio	52

2. Urbs Avinionensis

Трубадур	53
Жакемар и его жена	54
В гетто	55

3. Италия

Вилла Волконских	58
Дорога к Фьеволе	59
В сумерках	60
Над морем в затишье	61
Ива на Прато	62

4. «Юнгфрау»

Гробница рыцаря	66
-----------------	----

V. СЕЛЬСКИЕ ПЕСНИ

Сны меня обступили	68
Свирель	70
Музыкант	71
Тихо билось...	74
I. На свирели	75
II. На свирели	75
Летавица	76
Осенью	78

Сватовство	81
Ой, дана!	82
Журавли	84

VI. ЛЮТНЯ СЕРДЦА

Тишина	86
В глухом бору	87
По жёстким дорогам	88
А волны плачут	88
Если ты любишь	89
Любимому	91
Ноктюрн	91
Неведомое	92
В Яворках	93
Майское эхо	94
Где мой дом?	95

VII. ПАН БАЛЬЦЕР В БРАЗИЛИИ

(Отрывки из поэмы)

Из главы первой	98
Из главы второй	104
Из главы третьей	108
Из главы пятой	110
Примечание	112

Редактор С. Шервинский

Подписано к печати 5/IV 1944 г. А-7832. Тираж 10 000 экз.
 $3\frac{1}{4}$ печ. л. 5,03 уч.-авт. л. Зак. № 1593. Цена 4 руб.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига»
 ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

4 py6.